

Сметенные ураганом

Автор:

Татьяна Осипцова

Сметенные ураганом

Татьяна Осипцова

Ремейк романа Маргарет Митчелл «Унесенные ветром»

Знаменитый роман Маргарет Митчелл «Унесенные ветром» возродился в сюжете, действие которого перенесено в Россию, в лихие девяностые годы! На долю Скарлетт О'Хара выпало немало испытаний, но и наша современница с русским именем Светлана способна с не меньшей стойкостью переносить беды и невзгоды и бороться за достойную жизнь своей семьи. Образ женщины, живущей в России на стыке двух эпох, столь же яркий и противоречивый, как образ самой Скарлетт. Герои великого романа не просто переоделись в современное платье и чудесным образом перенеслись через океан – Татьяна Осипцова, лауреат сетевой премии «Народный писатель», отыскала исторические параллели в нашем недавнем прошлом, воскресив атмосферу «смутного времени» конца двадцатого века...

Татьяна Осипцова

Сметенные ураганом

Глава 1

Нашарив рукой назойливо дребезжащий будильник, Света вдавила кнопку, перевернулась на другой бок, но тут же распахнула глаза, вскочила с постели и отдернула штору. Метеорологи не обманули: за окном весело светило солнце, обещая теплый по-летнему день.

Улыбаясь неизвестно чему, она побежала ставить чайник, сорвав по пути на кухню листок календаря с красной датой: 1 мая 1987 года.

Спустя полчаса, умывшись и позавтракав, Света стояла перед распахнутым шкафом. Перевернув весь свой гардероб, остановила выбор на короткой белой юбке в складку, всегда притягивающей мужские взгляды к ее стройным ногам, и белой футболке тонкого трикотажа с серебристой загогулиной на груди. Футболка, предмет особой гордости, переделанная собственными руками из обычной, с глухим воротом – имела сзади V-образный вырез почти до талии, соскользнуть с плеч ей не позволяла лишь завязанная на бантик тесемка. И когда легкой танцующей походкой, высоко подняв светловолосую головку, Света шла в этой футболке по Невскому – десятки парней и мужчин провожали ее восхищенными взглядами, она чувствовала это даже затылком.

Одевшись, Света достала косметичку, немного подкрасила ресницы и тронула губы блеском, который с трудом урвала в магазине польской косметики. При этом мысленно ворчала: «Все умные стали. В начале месяца прилавки пустые, в торговом зале три человека, зато в конце, когда дефицит выбрасывают, очередь в „Ванду“ со Староневского начинается». Покончив с макияжем, прошла щеткой по волосам, чуть взлохматила их руками, придавая вид легкой небрежности, и закрепила эффект польским же лаком. Тряхнула головой, проверяя – держится. Она покрутилась у зеркала и даже вывернула голову, чтобы полюбоваться вырезом на спине, а затем замерла, придирчиво оценивая свое отражение. Из зеркала смотрела девушка чуть выше среднего роста. Слегка выющиеся волосы отливали золотом и пышной волной ложились на плечи. Необычные для блондинки, широко распахнутые карие глаза в обрамлении длинных ресниц казались особенно яркими, как и темные изогнутые дугой брови, и притягивали взгляд каждого, кто бы ни посмотрел на нее. Короткий прямой носик, яркие пухлые, четко очерченные губки. Света приблизилась к зеркалу, улыбнулась сама себе – на щеках появились соблазнительные ямочки – чмокнула воздух и негромко сказала вслух: «Красотка!»

Только что проснувшаяся младшая сестра с откровенной завистью наблюдала со своего дивана за ее приготовлениями.

– Как бы я хотела поехать с тобой! Там, наверное, красиво, на этой государственной даче.

– Мала еще по госдачам разъезжать, пигалица, – бросила через плечо Светка. – Там всем парням не меньше двадцати двух, а тебе еще четырнадцати нет, нужна ты им!

– Меня Гена Смирнов в кино пригласил, а ему, между прочим, восемнадцать.

– Генка Смирнов – тоже мне, кавалер! Рохля очкастая.

В комнату заглянула Ольга Петровна.

– Мам, ты в курсе, что у Соньки поклонник завелся?

– Гена? Он хороший мальчик, пусть встречаются. – Ольга Петровна окинула взглядом старшую дочь. – Надень лифчик – все просвечивает.

– Не надену! С таким вырезом на спине? Ни за что!

– Неприлично, когда соски торчат.

Света расправила плечи, продолжая любоваться на себя в зеркале, и ответила самодовольно:

– Пусть бюстгальтеры носят те, кто без них ходить не может, а у меня идеальная грудь.

– И поэтому тыставляешь ее напоказ?

– Мам, не нуди! Это вполне приличная футболка. Я же не одеваюсь, как Ленка-шалава, у которой вечно все наружу.

– Еще не хватало! Света, отпускаю тебя с ночевкой скрепя сердце, смотри там у меня! Если б не Маня – ни за что бы не отпустила. В твоём возрасте девушка должна быть особенно осторожной.

Светка закатила глаза, вздыхая.

– Брюки прихвати, все-таки за город едешь, – продолжала наставлять мать.

– Еще скажи – треники натянуть и резиновые сапоги напялить. Мам, я не на наше болото в Пупышево собираюсь, а в Солнечное, на госдачу. Там в доме вообще паровое отопление, а на участке бетонные дорожки и газоны, и даже комаров не бывает. Все, мамочка, я побежала, Манька со Славкой ждут.

Она чмокнула мать в щеку, подмигнула сестре и, прихватив белую сумочку, выпорхнула из квартиры.

Маня была единственной Светкиной подругой. Когда к началу седьмого класса, будто по мановению волшебной палочки, из худой длинноногой девчонки Света превратилась в стройную красавицу с тонкой талией, аппетитной попойкой и высокой грудью, мальчишки из их класса, да и парни постарше стали увиваться вокруг нее и оказывать разнообразные знаки внимания. С ростом числа поклонников количество испытывающих к Светке симпатию девушек стремительно уменьшалось, и к шестнадцати годам ни одна из них, кроме Маньки Ганелиной по прозвищу Манюня, не желала знаться со Светкой Харитоновой.

Манюне, низкорослой и плоской невзрачной худышке с мелкими чертами лица, никто не давал ее восемнадцати лет. Они со Светкой были на год старше одноклассников, однако по разным причинам. Машу Ганелину родители побоялись отдать в школу вместе со сверстниками – уж слишком слабенькой и болезненной была их дочка, а Светка просидела два года в седьмом классе. Ольга Петровна посчитала, что дочь проворонила учебу, мечтая о мальчишках, и в семье взялись за второгодницу всерьез: глаз не спускали, проверяли уроки, до конца девятого класса разрешали выходить из дома только в сопровождении Манюни или Соньки, младшей сестры. Лишь когда впереди маячил аттестат зрелости, мать немного ослабила контроль, и Света стала бегать на свидания.

Она с удовольствием флиртowała, ходила с парнями в кино, иногда в театры, кое с кем даже целовалась, но больших вольностей не позволяла, хотя завистницы-одноклассницы наверняка приписывали ей все смертные грехи. С виду легкомысленная, Светка никогда не теряла головы и умела вовремя вывернуться из объятий, причем делала это так, что кавалер не обижался. Мысль о том, что постель можно разделить только с любимым мужчиной после того, как выйдешь за него замуж, твердо засела в мозгу. И вовсе не из-за нравоучений, на которые мать никогда не скупилась. Света видела, что двадцатилетняя Ирина из квартиры напротив одна воспитывает трехлетнего сына, а замужем никогда не была. Или Ленка-шалава из их же подъезда. Она ненамного старше Светы, но уже не первый год о ней сплетничают во дворе. Соседи говорят, Ленка настоящая проститутка. А все потому, что отдалась первому встречному, а потом уж и второй появился, и третий, и так далее.

Многих удивляла дружба столь разных девчонок: яркой кокетки Светки, увлекавшейся танцами и пением, учившейся с пятого на десятое и за всю свою жизнь не прочитавшей до конца ни одной книги – и тихой стеснительной отличницы Манюни, любительницы поэзии и классической музыки.

Маня Светочку обожала, восторгалась ее красотой и находила в ней душевные качества, которых никто больше не замечал. Она была склонна преувеличивать в подруге хорошее и не видеть плохого, например, ее высокого самомнения и неприязненного отношения ко многим одноклассникам. Отличница и преданная подруга Маня помогала учиться, всегда давала списывать, а Светка принимала помощь как нечто само собой разумеющееся и признавала, что на фоне невзрачной очкастой Манюни выглядит потрясающей красавицей.

Но главной причины дружбы девушек не знал никто. У Маши Ганелиной был брат Вячеслав, курсант высшего артиллерийского училища, а у брата имелся друг детства и сокурсник Миша Улицкий, высокий блондин с мечтательными серыми глазами. Два года назад, впервые заглянув в эти глаза, Света поняла: пропала! Михаил смотрел так внимательно, ласково... Ей казалось, никто никогда на нее так не смотрел.

Не часто Манькин брат-курсант появлялся дома, а в сопровождении друга еще реже, но Светка старалась не пропустить редкие встречи. Она торчала в квартире Ганелиных почти ежедневно, и в ее пестрящем тройками табеле появились твердые четверки. В этом доме к ней относились как к своей. Отец Мани и Славы, офицер-артиллерист, погиб семь лет назад, исполняя

интернациональный долг, а полтора года спустя умерла от скоротечного рака и мать. С тех пор они жили с теткой, сестрой отца. В артиллерийское училище племянник поступил вопреки желанию Полины Григорьевны, и теперь до получения звания лейтенанта ему осталось всего ничего.

В последнее время Славка не раз намекал Свете, что давно уже по ней сохнет и не стерпит разлуки, если его направят служить в какую-нибудь дальнюю часть. Но она лишь смеялась в ответ:

– Ты представляешь меня в роли офицерской жены, всю жизнь мотающейся по гарнизонам и не имеющей своего угла? А я не представляю!

– Так что ж ты всем головы морочишь? – не понимал Слава, имея в виду не только себя, но и нескольких товарищей по училищу, тоже павших жертвами Светкиных карих глаз.

– Люблю мужчин в форме, и курсанты танцуют хорошо, – беззаботно пожимала она плечами. – Но это вовсе не значит, что за кого-то из них стоит выходить замуж. Танцы не главное...

– А что для тебя главное?

В ответ она молчала и только улыбалась загадочно.

С Мишей она таких разговоров не вела. Потому что именно его Света видела своим будущим мужем, несмотря на то, что он тоже скоро станет офицером. Во-первых, в Мише не было ничего солдафонского, ни во внешности, ни в манерах. Во-вторых, он необыкновенно умен. В-третьих – он сын второго секретаря Ленинградского обкома КПСС, и это не самое маловажное обстоятельство. Наверняка его не ушлют из родного города, оставят служить здесь, а может и в Академию продвинут. Потом, глядишь, диссертация на какую-нибудь военную тему – и карьера обеспечена... А главное – Света готова была променять на него всех своих кавалеров, так она любила эти светло-серые глаза, этот чуть вздернутый нос, эту ямочку на подбородке.

Свете казалось, что Михаил относится к ней не так, как остальные мальчишки. На дискотеках он не бежал наперерез другим в надежде пригласить на танец, но танцевал с ней чаще всех. Не пытался поцеловать украдкой и даже не

приглашал на свидания, но когда они несколько раз случайно встречались на улице, всегда провожал до дома. Был неизменно вежлив, но по его глазам Света видела, что очень ему нравится. «Просто Миша не хочет быть навязчивым, он очень хорошо воспитан и выдержан, не то что остальные с их казарменными шуточками, – думала она. – Но когда он танцует со мной, у меня сердце готово выпрыгнуть от восторга, и я верю, он испытывает то же самое».

За два года Света с Маней не пропустили ни одного вечера в училище и часто проводили время в компании Славкиных друзей-курсантов. Славка считался верным Светиным рыцарем, однако это не давало ему никаких преимуществ. Она дарила своим вниманием всех ребят по очереди. Особенно ей нравилось пускать в ход свои чары, если кто-то из парней приводил с собой девушку. Светлана знала, стоит приложить немного усилий, и она отобьет любого у его девчонки. Несколько отрепетированных взглядов «в угол, на нос, на предмет», как учила бабушка Ксения, разговор полунамеками во время танца – и «предмет» опять у ее ног! Лешка, Кирилл, Антон и Димка были ей безразличны, но она держала кавалеров на длинном поводке, время от времени укорачивая его, приближая к себе, чтобы не забывали. И каждому оставляла маленькую надежду: может быть, когда-нибудь...

Со временем, уверившись в своей власти, Света покончила с этими играми, и в компании появились еще девушки. Дылда Ольга считалась подругой Лешки, Кирилл приводил кругленькую коротышку Любку, Антон с Димкой ухаживали за рыжими сестрами Ирккой и Ленкой. Света этих девчонок как серьезных соперниц не воспринимала, смотрела на них несколько свысока и была уверена, что они ей завидуют. Ведь Миша – самый лучший, самый красивый, самый умный в их компании. Он пока не объяснился в любви, но она ведь чувствует и по глазам видит. И танцует Миша чаще всего с ней. Иногда Манюню приглашает – из вежливости, потому что они раньше жили в одной коммуналке и Миша с детства ее опекал. Когда Славкина мама купила детям абонементы в филармонию, чтобы духовно развивались, а Славка сходил один раз и заявил, что больше не пойдет, – Миша согласился сопровождать Маньку вместо друга. С тех пор они вместе и таскаются, то в филармонию, то в Мариинку. Света как-то тоже с ними сходила, на «Бориса Годунова» – еле-еле высидела! Миша с Манькой как устали на сцену, так и замерли, а она со скуки помирала, не понимая, как такая музыка может нравиться. И даже в антракте не удалось с Мишей поболтать, они с Маней все про этого Мусоргского говорили, про новые интерпретации каких-то там его картинок, а Света молчала с умным видом. А в последний год они еще поэтические сборища стали посещать. Манюня и Свету приглашала – только она отказалась наотрез.

Всей компанией ребята ходили в походы, в кино, гуляли по городу. Несколько раз Миша приглашал друзей на государственную дачу, которую занимала семья Улицких.

Вот и на прошлой неделе, встретившись случайно – а она подозревала, что не случайно, – недалеко от Светкиного дома, Миша спросил, лаская ее взглядом серых глаз:

– Ты приедешь ко мне на день рождения, на дачу? Будут все наши и мои родители. Светик, мне бы очень хотелось, чтобы ты приехала. Возможно, это последний мой праздник в кругу семьи и друзей. Через полтора месяца мы получим звание, и еще неизвестно, куда меня направят.

«Надеюсь, не дальше Ленинградской области, – мелькнуло у Светы в голове. – Павел Петрович Улицкий не допустит, чтобы жена страдала от разлуки с единственным сыном, который для нее свет в окошке».

А вслух ответила:

– Конечно, Мишенька, я приеду. И мы с тобой потанцуем? Ты так здорово танцуешь – лучше всех!

– Ну, до тебя мне далеко. Зря ты забросила бальные танцы.

Она пожала плечами:

– Может, и зря. Но в этом деле главное – хороший партнер, а мне все не попадалось такого. Некоторые девчонки на занятиях друг с другом танцевали, но это уж вообще... Вот если бы ты был моим партнером... С тобой я готова танцевать всю жизнь!

Это было завуалированным признанием, она надеялась – он поймет, и ей показалось, что взгляд серых глаз изменился. Конечно же, он понял.

– Светочка, я тоже был бы рад танцевать с тобой как можно чаще. Только скоро... – Миша умолк.

«Он хочет сказать, что, возможно, уедет, и мы не увидимся больше. А если и вправду уедет? Тогда я поеду с ним. Плевать куда – лишь бы с ним вместе! Ну что ты умолк, Мишенька, – мысленно торопила она его. – Скажи, что любишь меня, боишься разлуки и не хочешь расставаться».

– Света, я должен тебе сказать...

«Ты должен сказать, что любишь меня. Ну, говори же!»

– ...Нет, потом, когда приедешь к нам на дачу.

На прощанье он поцеловал ее в щеку.

Опять в щеку, расстроилась Светка. Парень, которого любит, – чуть ли не единственный, с кем она не целовалась по-настоящему. Ничего, еще нацелуется. Миша собирается сказать ей что-то важное на своем дне рождения. Конечно, он скажет именно то, что ей больше всего хочется услышать. Скажет всерьез, в присутствии своих родителей, и предложит выйти за него замуж. Но, кажется, такие предложения надо делать в присутствии родителей невесты?.. Ерунда. Это в книжках так, а в жизни... В жизни его родители намного важнее, чем ее. Ее папа и мама простые инженеры. А Мишины... Конечно, он не может сделать такой важный в жизни шаг, не поставив их в известность. И наверняка Улицкие с радостью примут Свету в свою семью. Яна Витальевна, Мишина мама, женщина болезненная и хрупкая, всегда относилась к ней приветливо, а солидный Павел Петрович частенько отпускал старомодно-галантные комплименты, трепал по плечу, называл нежным цветком, способным украсить любое общество.

Всю дорогу в электричке, пропуская мимо ушей болтовню Славки, Света мечтала о том, что произойдет сегодня или завтра. Лучше бы Миша объяснился ей в любви и объявил родителям о своих намерениях сразу. Тогда с сегодняшнего дня она будет самой счастливой девушкой на свете и почти полноправным членом семьи Улицких.

– Скоро случится что-то очень важное... – шепнула ей на ухо подруга.

– Что? – вынырнула Светка в реальность.

– Скоро ты что-то узнаешь... И очень удивишься, – повторила Манюня, улыбаясь немного смущенно.

«А ты-то как удивишься, когда Мишенька объявит, что мы с ним поженимся, – ухмыльнулась про себя Света. – Ведь ты знаешь его чуть не с песочницы, вы сто лет дружите, и он относится к тебе, как к сестренке. С кем ты будешь обсуждать стихи, прочитанные книги, прослушанные в филармонии концерты, когда я выйду за Мишу? Ладно, подружка, оставляю тебе эту привилегию. Когда я стану носить фамилию Улицкая, то буду хороша одним этим, и мне уже не надо будет разыгрывать интеллектуалку перед парнями».

Эта роль давалась Светлане с трудом. Начитанная подруга то и дело подсовывала ей книги. С прозой Светка еще туда-сюда справлялась – заглянет в начало, в середину и в конец, поймет, как зовут основных героев, захлопнет книжку, а после спросит у Манюни, в чем там вообще было дело. Но с поэзией... Короткие строчки-лесенки не читались вообще, а если страница и одолевалась, то смысла она все равно не понимала. Подтекст, музыка стиха, метафоры и красота слога – это было недоступно ее разуму. Поэтому, завидев в руках у подруги среди принесенных книг очередной сборник стихотворений, Светка кривилась:

– Опять мандельштамы тягомотные? Забирай обратно, даже смотреть не буду.

– Зря ты так, Светочка... Миша очень хвалил эту книжку.

– Вот и читай сама, если он хвалил.

– Я уже прочитала. Мне бы хотелось услышать твое мнение.

– Мое? Нет у меня никакого мнения ни про какие стихи!

– Но ведь тебе понравилась любовная лирика Маяковского, помнишь, я тебе читала?

– Когда ты вслух читала – да, понравилось. А стала сама – не могу, строчки разъезжаются. Дай лучше чего-нибудь про любовь, нормальными словами, и покороче.

Дачу Улицких отделяла от Финского залива лишь стометровая полоска дюн да редкие сосны, убегające вдаль золотистыми столбами. В теплом весеннем воздухе ощущались нотки хвои и водорослей, пригретых солнцем у кромки воды.

Именинник встретил друзей у ворот. Света вручила ему доставшийся маме по розыгрышу в обществе книголюбов роман Валентина Пикуля, Маня подарила альбом репродукций Русского музея.

В ожидании праздничного обеда гости разбрелись по огромному участку, кто-то играл в бадминтон, Славка с Димкой резались в настольный теннис.

Света стояла рядом с Мишей и Манюней, машинально следила глазами за целлулоидным мячиком и мечтала, чтобы Манька догадалась оставить их с Мишей наедине. Она уже собиралась незаметно подмигнуть подруге и кивнуть головой в сторону – мол, отойди, дай нам поговорить – когда на открытой террасе появился Павел Петрович в сопровождении молодого мужчины лет тридцати.

Высокий и широкоплечий неизвестный гость невольно привлек Светино внимание. Его волнистые темно-русые волосы выглядели так, будто он только что из парикмахерской. Холеные усы над четко очерченным ртом и синие глаза на смуглом, не по-питерски загорелом лице тоже производили впечатление. Серый костюм сидел отлично, голубоватый галстук оттенял белизну рубашки. Заметив, что Светлана смотрит на него, незнакомец одним взглядом охватил всю ее фигурку в короткой белой юбочке и футболке со смелым вырезом, прищурился оценивающе, будто мысленно раздевая ее, улыбнулся и слегка кивнул. Она поежилась под этим откровенным взглядом, отвернулась и шепотом спросила у Миши:

– Кто это?

– Манин протеже. Юрий...

– Шереметьев, – подсказала Маня. – И вовсе он не мой протеже, а тети Поли, сын какой-то дальней родственницы. Она давно умерла, я ее в глаза не видела. Этот Юра объявился у нас совсем недавно. Он будто бы от семьи откололся, ни с кем из близкой родни не общается. Кажется, из-за того, что с отцом поссорился – тот

капитан первого ранга в отставке. Его я тоже никогда не знала, тетя Поля рассказывала. Отец хотел, чтобы сын училище Фрунзе окончил, а Юрий то ли бросил после второго курса, то ли его отчислили... После он окончил торговый институт.

– Так он торго-аш? – презрительно протянула Света.

– Директор ресторана, – поправила Маня. – Случайно узнал от тети, что мы знакомы с Улицкими, и попросил представить его Павлу Петровичу. Сказал, есть какое-то интересное предложение.

Раскатистый голос хозяина дачи прогудел совсем рядом:

– Жаль, что Степан Тихонович не приехал. Но завтра он будет обязательно. Может, переночуете у нас, Юрий Алексеевич? Места хватит.

– Благодарю, Павел Петрович. У меня дача недалеко, там переночую, – ответил низкий бархатный баритон.

– Но на обед вы останетесь? А еще лучше – на ужин. Обещаю вкуснейшие шашлыки. У нас сегодня весело, молодежь обязательно танцы затеет. – Мишин отец подвел гостя к ребятам. – Вот она, наша смена... С Михаилом, моим сынком, вы уже знакомы? Манечку вам представлять не надо... А это Светик-семицветик, Манина подружка, друг этого дома и яркое украшение любой компании. Она и попеть, и потанцевать мастерица – молодец девчонка! Светочка, знакомься, это Юрий Алексеевич Шереметьев.

Света подала руку и кивнула, сосредоточив взгляд на холеных усах, в глаза нахалу смотреть не хотелось. Неожиданно Шереметьев склонился и поцеловал протянутую руку. Света вздрогнула, по спине отчего-то пробежали мурашки.

– Очень приятно. – Он выпрямился и все-таки поймал ее взгляд. Затем обернулся к хозяину. – Спасибо за приглашение, Павел Петрович, я с радостью его принимаю. Давно не проводил время среди молодежи.

Улицкий отошел, а гость оглядел примолкшую троицу.

– Ну, что интересненького расскажете?

– В кустах сирени живет настоящий ежик, хотите посмотреть? – брякнула Маня.

Это прозвучало так по-детски, что Светка чуть не покрутила пальцем у виска.

– Хочу, – улыбнулся Шереметьев, показывая ряд крупных белых зубов. – Всю жизнь мечтал увидеть живого ежа.

Он подхватил Маню под руку, и та повлекла его в сторону зарослей сирени.

– Аура, – прошипела тихонько Светка.

Миша мельком взглянул на нее и покачал головой.

– Ну, надо же как-то развлекать гостя. Неудобно бросать человека в незнакомой компании.

Уцепившись за Мишин локоть, Света нарочно шла нога за ногу, стараясь подальше отстать от парочки, разыскивающей гипотетического ежа.

– Миш, ты ничего не хочешь мне сказать? – начала она, глядя на него влюбленными глазами.

– Да, Света, я должен кое-что тебе сказать, но не сейчас...

– А когда? Мы же сейчас одни. Скажи, Мишенька...

– Потом, после обеда. Встретимся в саду, у фонтанчика за беседкой.

– Хорошо, договорились, – обрадовалась Света. – И там ты все мне скажешь?

– Да, – кивнул Михаил, отводя взгляд. – Смотри, они и правда что-то нашли.

– Миша, Света, идите сюда! – звала своим слабеньким голоском Манюня из кустов.

Шереметьев присел на корточки и тыкал прутиком в колючий комок, чтобы заставить ежика раскрыться и показать мордочку. Это ему не удавалось.

Из беседки слышались звуки гитары. Оставив в покое ежа, все двинулись туда.

Будущие офицеры пели песню из «Белорусского вокзала»: «А значит, нам нужна одна победа, одна на всех, мы за ценой не постоим...»

Миша с Маней присели на скамейку и подхватили. Шереметьев и Света остались у входа.

Хорошая песня. Сколько раз Светка фильм смотрела – всегда мороз по коже. Но сегодня она предпочла бы услышать что-нибудь повеселее. Ведь не девятое мая, в конце-то концов! Вот кончат петь, и она затынет «Арлекино» или «Миллион алых роз»... Говорят, у нее не хуже Пугачевой получается.

Отложив гитару, Слава встал и переглянулся с товарищами.

– Говорить?

– Говори.

– Ребята! Вернее, девушки! Мы должны сообщить вам, что подали заявление, чтобы нас отправили исполнять интернациональный долг. Мы, все шестеро, подписались под этим заявлением. И поэтому, как только закончим училище...

Света еще не переключилась с выбора песни и не сразу сообразила, отчего замерли лица у девушек, а в глазах у Мани стоят слезы гордости и восторга.

– ... Это я предложил. Вы знаете, у меня отец погиб там в 80-м. Я давно знал, что буду туда проситься, а ребята решили со мной.

«Так ведь отец Славки и Мани в Афганистане погиб, – дошло, наконец, до Светки. – Это он в Афган попросился? Сам? Идиот! Да еще ребят за собой тащит...»

– Дурацкий поступок, – пробормотал Шереметьев себе под нос, однако его услышали.

– Что?.. – нахмурился Ганелин.

Вслед за ним все уставились на незнакомца.

– Это Юрий Алексеевич Шереметьев, гость моего отца, – поторопился объяснить друзьям Миша. – Юрий Алексеевич, вы хотели что-то сказать?

Шереметьев помедлил, обвел взглядом компанию и остановился на дальнем родственнике.

– Я хотел сказать, Вячеслав, что только юность способна на проявления такого бессмысленного героизма, – начал он. – Насколько мне известно, ваш отец не шел в Афган добровольцем, в соответствии с присягой он отправился туда, куда его послали. Ну а вы-то зачем сами в пекло лезете? Слава штурмовавших дворец Амина покоя не дает?.. Так к вашему сведению, каждый десятый из них погиб, а остальные получили ранения разной степени тяжести. За без малого восемь лет войны мы потеряли погибшими почти четырнадцать тысяч человек, раненые исчисляются десятками тысяч. Как вам такая статистика?.. Вы мечтаете стать инвалидами или попасть на тот свет поскорее?..

– Откуда вам это известно? – сведя черные брови к переносице, подозрительно поинтересовался Кирилл.

– Я слушаю радио, – снисходительно ответил Шереметьев, доставая сигарету из пачки.

Закурив, он небрежно прислонился к столбику у входа беседки и, слегка скривив рот в усмешке, взирал на молодежь.

– По радио такого не говорили, – покачал головой Кирилл. – Вы слушаете вражеские голоса?

– Ну, для кого-то вражеские, а кто-то называет это голосом свободы и демократии. Кажется, в нашей стране тоже началась эра демократии и свободы

слова, или я не прав?

– Вы – не патриот своей родины! – возмутился Кирилл.

– Да вы просто трус! – сжал кулаки Слава. – Небось, и в армии не служили!

Шереметьев оставался невозмутимым. Казалось, оскорбления его ничуть не задели.

– Я провел два года в стенах закрытого военного учебного заведения, мне это зачлось вместо службы в Вооруженных силах. А что до патриотизма, – Юрий хмыкнул и процитировал: – «Если завтра война, если завтра в поход...» Я буду воевать, но только за свою страну, а не за мусульманских дикарей, которые не могут поделить плантации мака.

– Афганский народ попросил ввести войска, и мы обязаны исполнить...

– ...Свой интернациональный долг? – закончил за Кирилла Шереметьев. – Как же вам головы задурили! Вы слишком молоды и не понимали ничего, когда вся эта заваруха начиналась. Так я вам объясню. Как раз восемь лет назад в Афганистане свершилась Апрельская революция. К власти пришли прогрессивные и, с нашей точки зрения, просоветски настроенные силы, которые тут же принялись проводить радикальные реформы, в том числе секуляризацию – то есть духовные законы в мусульманской стране решили заменить светскими. Долой шариат, дамы могут снять чадру и так далее... Они мечтали своих горных дикарей приобщить к порядкам цивилизованного общества. Вроде бы даже на многоженство покушались, как товарищ Сухов: каждой женщине обещали персонального мужа. – Он саркастически усмехнулся и продолжил после небольшой паузы: – Практически одновременно с Апрельской революцией случилась революция в Иране, подготовленная исламскими фундаменталистами. Она была удачной, оппозиции в Иране не возникло. В Афганистане же, напротив, исламская оппозиция вооружила моджахедов, и началась гражданская война.

Светлана вслушивалась в речь Шереметьева, но понимала лишь отдельные слова и не могла взять в толк, причем тут мак?

– Моджахеды поддержали из Ирана и США, а как вы понимаете, с американской военной машиной соперничать трудно. Правительство Амина попросило помощи, что было на руку нашим для укрепления позиций в регионе. Советские войска ввели в Афганистан, а вскоре, в конце 79-го, наше секретное подразделение провело спецоперацию – Хафизулла Амина ликвидировали, покрошив попутно целую тучу народа. На смену Амину пришел Бабрак Кармаль, целоваться с которым дорогому Леониду Ильичу понравилось еще больше...

Шереметьев снова хмыкнул, вспомнил о сигарете, затянулся, а когда продолжил, голос его звучал уже абсолютно серьезно:

– Во всем мире правительство Кармалю считают марионеточным. Осудив ввод войск в Афганистан, от нас отвернулась половина цивилизованного человечества, были бойкотированы Олимпийские игры, прерваны с трудом налаженные экономические отношения... А куда мы без импорта? Наша собственная промышленность работает в основном на оборону, и не больно-то продуктивно работает... Горбачеву досталось небогатое наследство, многое проели, многое разбазарили. И как назло катастрофа в Чернобыле – сколько сил и средств на ликвидацию аварии ушло, и еще уйдет... К тому же цены на нефть упали в три раза, а это едва ли не единственный источник нашего дохода на мировом рынке. А тут еще Афганистан, который не только портит наш международный имидж, но и поглощает материальные и людские ресурсы...

– Мы успешно воюем, наши контролируют Кабул и большинство территорий... – попытался перебить его Славка.

– Но никогда не смогут победить моджахеды! Кажется, кто-то из великих сказал: можно завоевать страну, но победить народ нельзя. Англичане, известные колонизаторы, обломали зубы об Афганистан – и это во времена, когда США не снабжали моджахедов оружием.

Молодежь слушала с хмурыми лицами, но внимательно. Свете же, вначале с интересом смотревшей на Шереметьева – красивый мужчина, и так элегантно выглядит – эта лекция быстро наскучила. Долдонит, как на политинформации: американская военная машина, экономическое положение СССР на мировом рынке... Муть! В школе надоело. Она с самого начала поняла его главную мысль и была полностью с ней согласна – рисковать своей жизнью глупо. И кто ее выдумал, эту войну? Мужчины, конечно. Сроду не слышала, чтобы войну женщины затевали. Или затевали? Были же в истории правительницы и

императрицы... Не сильна она в истории, надо у Манюни спросить. Впрочем, императрицы и затеваемые ими войны волновали сейчас Свету меньше всего. Славка сказал, они вместе эту глупость надумали. Значит, и Миша тоже?

Она почувствовала, как сердце остановилось от страха за него и за свое будущее. «А если его убьют там? – в ужасе подумала она. – Или искалечат?.. Идиоты, они все рехнулись! К чему корчить из себя героев, рисковать, когда можно не делать этого? Этот пижон Шереметьев прав, война не за нашу страну, а не пойми за что, и ничего глупее нет, чем в пекло соваться. У Славки детство в заднице играет – вот и ехал бы один, придурок. Зачем друзей за собой тащит? Я должна отговорить Мишеньку от этой глупости. Скажу, что люблю его, и он тоже скажет. А я скажу: давай тогда поженимся поскорее. Наверняка молодоженам какую-нибудь отсрочку дают. А ребята пускай уезжают. После свадьбы мы с Яной Витальевной попросим Павла Петровича, и он что-нибудь придумает, чтобы сын не попал на настоящую войну. Пусть любое назначение, хоть на Дальний Восток – только бы там не стреляли. И я поеду с ним. Мы ведь ненадолго из Ленинграда уедем – на год, на два. А потом вернемся».

Одним ухом слушая Шереметьева, Света покосилась на часы: долго еще до обеда? После него Миша будет ждать ее за беседкой.

– ...На Двадцать седьмом съезде Горбачев пообещал начать разработку плана поэтапного вывода войск. Надеюсь, молодые люди, такой план уже готов и вам не придется воевать. – Он оглядел ребят. – Не смею больше задерживать ваше внимание, я и так слишком злоупотребил им.

Небрежно кивнув, Шереметьев покинул беседку.

Славка нахохлился, будто молодой петушок, готовый кинуться в драку. Он мечтал стать героем, как отец – пусть для этого придется рисковать жизнью на чужбине.

– Этот человек... Он – предатель!

– Тише... – остановил его Улицкий.

– Мишка, чего ты молчишь? Ну скажи...

Неизвестно, что он ожидал услышать от Михаила, но тот, проводив глазами Шереметьева, тихо проговорил:

– Юрий Алексеевич во многом прав...

Друзья удивленно уставились на него, они не ожидали такого от своего комсорга. Медленно, будто взвешивая каждое слово, именинник продолжил:

– ...Он прав в том, что это не наша война, и зря мы в нее ввязались. Формальным поводом послужил вроде бы путь социализма, на который вступила Афганская республика... Однако настоящая причина – наркотики. Афганские крестьяне всегда выращивали мак. На горных склонах плохо растут злаки, а мак – практически сам собой, и опиум дороже хлеба... Каналы переправки наркотиков в Европу были налажены давно, а правительство Амина попыталось их перекрыть. Довольно долго наша страна была изолирована от этого мирового зла – наркомании, но теперь... Боюсь, из Афганистана поток наркотиков хлынет к нам. В закрытых партийных документах приводятся цифры роста наркомании среди ограниченного контингента. Я не имею права разглашать, скажу одно – это страшные цифры!

Он говорил все уверенней, видимо, не раз и не два думал над этим.

– Что касается отношения в мире к Советскому Союзу... Из нас всегда лепили образ врага, и Афганистан дал очередной повод, реальный, а не выдуманный. И товарищ Шереметьев прав относительно состояния нашей промышленности. Она ориентирована на оборону, считай – на войну. А для населения мы почти ничего не производим. Автомобилей, бытовой техники, нормальной одежды – всего не хватает! На Западе военные разработки служат прогрессу, все новое тут же находит применение для мирной продукции. У нас наоборот. Все засекречено, все новое и лучшее – для обороны. Отсюда постоянный дефицит... Да все вы прекрасно знаете! Михаил Сергеевич неоднократно говорил об этом. Перекосы в экономике. Слишком перевешивает военпром.

Миша сделал небольшую паузу и закончил:

– Когда-то я считал, что армия призвана защищать мир, поэтому и поступил в военное училище. Сейчас мне кажется, что мы марионетки в руках правительства, а оно преследует какие-то свои, недоступные нашему

пониманию интересы.

– Так ты не пойдешь с нами? – нахмурился Кирилл.

Миша взглянул на него и коротко вздохнул.

– Пойду. Хотя и не считаю этот поступок разумным. Я дал слово и должен быть рядом со своими товарищами. Но надеюсь, эта война продлится недолго, и мы вернемся с нее живыми.

– Мы вернемся героями, – вновь воодушевился Славка.

Маня переводила восторженный взгляд с брата на Мишу. А Свете хотелось крикнуть: «Идиоты! Придурки! В детстве в войнушку не наигрались? Пострелять охота? Так ведь и с другой стороны стрелять будут... Вернуться героями, – а если в цинковых гробах? У мамы на работе сотрудница поседела за один день – гроб запаян, даже не взглянуть в последний раз на сыночка... Или парень один из нашего двора – тоже, говорят, оттуда вернулся. Весь в шрамах, не узнать! Пьет беспробудно, а напьется – бросается на всех подряд, не сладить с ним, и все кричит: „Духи, духи!“ ... Мишенька, а ты-то что? Вроде все понимаешь, а туда же? Нет, я уговорю тебя, и ты останешься».

Девчонки повисли на своих парнях, глаза на мокром месте – конечно, каждая клялась, что будет ждать. Манюня, ухватив под руки брата и Мишу, лепетала, что отец мог бы гордиться своим сыном.

Одна Света молча стояла в стороне.

У нее явственно заурчало в животе. Скорей бы обед. Наверняка угостят не постным борщом, на столе будет сплошной дефицит, ведь работников обкома снабжают особо. В этом доме и в обычные дни к чаю подают ветчину, сыры двух-трех сортов и даже красную икру, а сегодня, может, и черной повезет полакомиться.

За столом Манюня, Миша, Слава и Света устроились рядом. Добровольцы не заикались об Афганистане, было понятно, что Мишины родители еще ничего не

знают. Яна Витальевна выглядела спокойной и счастливой.

Славка изо всех сил старался угодить Светочке, но выглядело это смешно. Наполняя ее бокал, он умудрялся пролить вино на скатерть, то и дело вскакивал, неуклюже тянулся через стол за закусками, когда можно было попросить об этом соседа.

«Вот придурок! – насмехалась про себя Света. – И чего суетится? Поучился бы ухаживать у своего родственника, вон как красиво и непринужденно у него получается».

Света исподтишка наблюдала за Шереметьевым, который сидел рядом с хозяйкой. Конечно, он уже не молод, но красив. Не так, как Миша, по-другому. У Миши нос слегка вздернутый, а у этого... Медальный профиль, вспомнилось ей из какой-то книжки. Она не любила усатых, но вынуждена была признать, что Юрию Алексеевичу усы идут, придают еще одну интересную черточку и без того яркой внешности. Синие глаза и белоснежные ровные зубы. Голливудская улыбка! Наши мужчины редко так улыбаются. И держится он как-то по-особому, не как все. В его повадке чувствуется скрытая сила и уверенность в себе.

Несколько раз они встретились глазами, и Света поняла, что понравилась Шереметьеву. Еще бы! Ни одна девушка за этим столом не может сравниться с ней.

После обеда молодые гости собрались прогуляться к заливу. Именинник с ними не пошел, Светлана тоже отказалась, заявив, что хочет поваляться в гамаке. Но как только ребята покинули участок, вскочила и устремилась в глубь сада, к заросшей густой сиренью беседке. Огибая ее, она сорвала только что распутившийся клейкий листочек и поднесла к губам, с удовольствием вдыхая острый аромат.

Миша стоял, задумавшись, подставив ладонь под струю маленького фонтана-чаши.

– А вот и я, Мишенька!

Он обернулся. Свете показалось, что он выглядит виноватым.

«Раскаивается, что собрался с этими придурками в Афган, и не знает, что мне сказать», – сделала она вывод и, подойдя вплотную, взяла его за руку.

Он молчал и глядел как-то странно.

– Ерунду вы надумали, – заявила Света.

Миша неопределенно пожал плечами.

– Ты... ты это мне хотел сказать или что-то другое?

Он продолжал молчать.

«Стесняется. Тогда я сама скажу».

– Миша, я люблю тебя, – быстро, настойчиво заговорила Света, стискивая его руку. – И я не хочу, чтобы ты уезжал, тем более так далеко, туда, где стреляют.

Он будто вздрогнул от ее слов и тихо промолвил:

– Я обещал...

– Ну и что? Ты ведь тоже любишь меня? Если мы поженимся, тебе дадут отсрочку, ребята уедут, а потом... Можно же не ехать вслед за ними? Твой отец наверняка устроит тебе другое назначение. Миш, ну что ты молчишь? Если ты любишь меня, ты должен...

– Светочка, все не так, ты многое выдумала...

Что она выдумала? Идея с отсрочкой казалась ей очень хорошей. Она взглянула ему в глаза, ожидая увидеть в них радость, любовь, а увидела что-то, похожее на испуг и обреченность. Почему он смотрит так странно и молчит?.. В сердце ее закрался холодок. А вдруг?.. Нет, не может быть...

Миша молчал, и она решилась повторить:

– Мишенька, давай поскорее поженимся, ведь мы же любим друг друга!

Он едва заметно покачал головой:

– Светочка, я не признавался тебе в любви.

Да, вслух не признавался – но неужели...

– Ты хочешь сказать, что ни капельки не любишь меня?.. – выкрикнула она. – Пусть ты не говорил, но я ведь чувствовала, видела. Когда ты пел про «солнышко лесное» – этим солнышком была я! Когда катал нас с Манькой на лодке в парке. А помнишь, в прошлом году, мы пошли на Мраморное озеро, и я подвернула ногу – ты нес меня обратно на руках? И месяц назад, на танцах у вас в училище...

Света смотрела умоляющим взглядом, ожидая признания, что она для него особенная, не такая, как другие девушки, – любимая.

– Ты обещал сказать что-то важное, я думала, ты, наконец, признаешься мне в любви! Скажи, ведь ты любишь меня? Любишь? – настаивала она, теребя его за руку.

Прошло несколько секунд, он будто решался, говорить или нет.

– Светочка, ты самая красивая, самая яркая из всех девушек, которых я знаю. Ты такая энергичная, живая... Не девушка, а фейерверк. Ты мне очень нравишься...

– Ты любишь меня! – Она не спрашивала, а утверждала.

– Да, люблю, – признал Миша, опуская глаза. – Но это не та любовь, которой ты ждешь от меня.

Она услышала только, что он все-таки любит. Наконец-то!

– И когда мы поженимся?

Света потянулась обнять его, но Михаил отстранился.

– Я позвал тебя сказать, что женюсь на Мане. Я боялся, что для тебя это будет ударом, и решил – ты должна услышать это от меня.

Когда до Светы дошел смысл его слов, то показалось, будто солнечный майский день потемнел. Только что было светло, радостно, впереди была счастливая жизнь, и вдруг... Он сказал – Манюня? Да как же так?!

– Ты... – пролепетала она непослушными губами, – ты ведь только что сказал, что любишь меня?

– Тебя нельзя не любить. Ты такая... Ни один парень устоять не сможет.

– Тогда при чем тут Манюня, если ты меня любишь?

Она никак не могла понять, как можно любить ее и собираться жениться на Манюне. На Маньке Ганелиной, серой мышке, у которой ни лица, ни фигуры, да еще очки! Она представила подругу в подвенечном платье – курам на смех! Манька – замуж! Какая из нее жена?

– Светочка, мы с тобой слишком разные и никогда не станем похожими. А жизнь, она ведь длинная, и когда-то эта разница характеров превратится в пропасть, и ты возненавидишь меня за то, что я не такой как ты...

– Я не могу тебя ненавидеть, я всегда буду любить тебя! – воскликнула Света.

Если он в это поверит...

– А Маня – она такая же, как я, мы понимаем друг друга с полуслова. У нас одинаковые вкусы, общие увлечения...

– Но это дружба, а не любовь! – перебила она.

– Это любовь, но любовь другая. Более спокойная, но и более прочная, такая и нужна, чтобы прожить счастливо всю жизнь. А ты, Светочка, обязательно встретишь человека, который полюбит тебя по-настоящему. Ты заслуживаешь счастья и получишь его.

Как он не понимает – она никогда не будет счастлива с другим! И ведь только что он сказал, что любит ее... А может, он просто струсил? Уцепившись за эту мысль, Света выпалила:

– Ты женишься на Маньке, потому что сдрейфил! Потому что я во сто раз красивее ее, и вокруг меня всегда полно парней!

– Можешь думать так, если тебе от этого легче...

Он проговорил это спокойно и твердо, прямо глядя ей в глаза, и Света поняла – это все.

Обида, злость, уязвленная гордость мешали ей дышать, вскипавшее бешенство требовало выхода, и она, размахнувшись, залепила ему пощечину. Затем, будто опомнившись и сообразив, что натворила, зажала рот рукой, чтобы не завизжать или не разрыдаться, и с ужасом смотрела, как краснеет его скула.

Он стоял, не отворачиваясь и не отводя глаз, и молчал. Затем тихо вымолвил: «Прости», – и, развернувшись, зашагал прочь.

Ей хотелось кинуться за ним, но она сдержалась. Хватит унижений! Внезапно Света поняла, что теперь каждый раз, глядя на нее, Миша будет вспоминать, как она навязывалась ему со своей любовью. Сгорая от стыда, злая сама на себя, она упала на колени и в яростном бессилии била кулаками по мягкой молодой траве. Под руку ей попался камень размером с куриное яйцо. Она машинально взяла его, бессмысленно разглядывала некоторое время и вдруг, ощутив неодолимое желание выпустить пар, дать выход бушевавшим в душе чувствам, размахнулась и что было сил запустила в сторону беседки. Камень глухо стукнул о деревянный настил, раздался свист, и низкий голос протянул:

– Ох, и ничего себе...

Света вскочила на ноги. Раздвинув ветви сирени, через перила беседки свесился Шереметьев и пялился на нее, скривив губы в гадкой ухмылке.

– Ваш снаряд просвистел буквально в нескольких сантиметрах от моей головы. Вот уж не думал, что рискую жизнью, располагаясь отдохнуть здесь после обеда.

Он все слышал! Новая волна стыда вогнала Светлану в краску. Мало того, что навеки опозорила себя в глазах Миши, так еще и этот мерзкий тип...

Не в силах сдержать раздражение, она неприязненно спросила:

– А вас не учили, что подслушивать нехорошо?

– Меня много чему учили, в том числе и этому... Но жизненный опыт показывает, что подслушивать бывает полезно и очень даже интересно. Вот как сейчас.

– Порядочный человек встал бы и ушел!

– Но тогда бы я не узнал трогательную и полную трагизма историю вашей любви. Юноша пел песни, глядя на вас, нес на руках, когда вы подвернули ногу, на лодке катал! После всего этого честный человек обязан жениться на девушке...

Он явно насмеялся, а Света будто со стороны увидела, насколько глупы были ее детские фантазии о Мише и его любви. «Дура! Какая же я дурочка! На пустом месте навоображала себе...»

– Как он смел? – продолжал между тем Шереметьев. – Но я, честно говоря, не понимаю, чем скучноватый, на мой взгляд, молодой Улицкий мог разжечь огонь в вашем сердце. Песней про солнышко? – Он язвительно хмыкнул. – Вы такая яркая, живая, девушка-фейерверк – а он скучно-правильный, уравновешенный... Да за одно то, что вы обратили на него свой взор, Михаил должен был целовать след ваших ног, а он! Неблагодарный...

Эти книжные слова и издевательский тон, которым Шереметьев их произносил, были невыносимы. Так бы и убила его на месте!

– Да вы мизинца Мишиного не стоите! – выкрикнула Света, вложив в свой взгляд все презрение, на какое была способна. Затем развернулась и, сдерживаясь, чтобы не побежать, выпрямив спину и высоко подняв голову, пошла из сада.

– На вашем месте я бы его возненавидел, – донеслось ей вслед.

Чувствуя, как слезы жгут глаза, Светлана почти бежала к дому, но, опомнившись, свернула под тень молодых сосенок на краю участка.

Не может она никому сейчас показаться. Уехать, пока никто не видит? Но это будет слишком явным признанием своего поражения. Манюня с Мишей объявят о своей свадьбе, а она сбежит...

«И когда успели сговориться? Неужели на поэтических посиделках или в филармонии?.. – всхлипывая, кусала губы Света. – Зря я их одних отпускала, надо было вместе ходить. Гадина Манька, темнила, ни слова ведь не сказала... А я? Почему не призналась ей, что люблю Мишу? Про других парней рассказывала, хвасталась, как целовалась – а про того, в кого по-настоящему влюблена, молчала. И получается, что Манюня, сама того не зная, отбила у меня парня и выходит замуж, выходит очень удачно, за сына секретаря обкома, за человека, которого я уже два года люблю!»

Мысль, что Маньке, которую она и соперницей-то никогда не считала, так повезло, а она осталась у разбитого корыта, была нестерпима.

«Я не буду думать об этом сейчас», – вдруг всплыла в памяти фраза из любимой книги, чуть ли ни единственной, которую она прочитала практически целиком, пропуская лишь куски про войну и политику.

«Я не буду думать об этом», – повторила Света Харитоновна вслед за Скарлетт О'Хара и решительно отмела в сторону воображаемую картину чужой свадьбы. Перед ее мысленным взором встала другая картина: она в подвенечном платье – о, она чудесно будет в нем смотреться! – рядом жених в новеньком строгом костюме... Только вот образ жениха получился размытым.

Света потрянула головой, отгоняя видения. Достав из кармана крошечное зеркальце, проверила, не потекла ли тушь, и, наконец, вышла из зарослей.

С веранды доносилась музыка, и она направилась туда, где собрались все ребята. Три парочки танцевали, Манюня с Мишей сидели в углу, о чем-то тихо разговаривая. Раньше Света и внимания бы не обратила: сидят себе и сидят, о музыке или поэзии беседуют. А сейчас заметила, как восторженно, с обожанием глядит Манька на Мишу, каким теплым взглядом смотрит он на нее. Неужели всегда так смотрел? А она, дура слепая, не замечала... Чтобы не видеть этой идиллии, Света отвернулась.

Возле магнитофона Славка и Кирилл с Любой спорили, что поставить – быстрое или медленное. Победила веселая музыка, и вскоре из динамиков загремело: «Бахама, бахама-мама...»

Света сама не заметила, как оказалась в центре и уже ритмично двигалась под музыку. Белая юбка развевалась, оголяя почти до трусиков крепкие длинные ноги, серебристая змея на груди посверкивала. Ни одна из девчонок не умела так танцевать, и хотя все они, кроме Манюни, вышли в круг, никто не мог сравниться со Светкой – пластичной, яркой, зажигательной. Она танцевала и улыбалась: Димке, Славке, Кириллу, но никто не подозревал, что творится у нее в душе, никто не слышал мысленно повторяемых ею слов: «Я не буду думать о Мишке, я не буду думать о Манюне. Я с ума сойду, если постоянно буду думать об их скорой свадьбе». Когда песня кончилась, ей показалось, что быстрыми движениями она выгнала, вытряхнула из головы горестные мысли. И она уже могла улыбаться Славке, который потянул ее в дальний угол веранды.

– Светка, ты сегодня такая... – заговорил он, стискивая ее руку.

– Какая? – кокетливо покосилась она.

– Красивая... Просто потрясающая!

– То-то, я смотрю, тебя потряхивает... – рассмеялась Света.

– Это от избытка чувств. – Слава глубоко вздохнул и выдал: – Тебе не кажется, что фамилия Ганелина звучит лучше, чем Харитонова?

– Чего?.. – протянула она.

– Того. Выходи за меня замуж. Я ведь давно тебя люблю. А ты – ни да, ни нет...

– Ну до чего ты навязчивый, Славка! Хуже всех парней, ей-богу. Вот прямо так сразу и замуж. Надо проверить свои чувства...

– Так давай, проверим, – подмигнул Славка.

– Ты на что намекаешь? – возмутилась она, вырывая руку. – Совсем обнаглел! Иди, видеть тебя не хочу!

Она отвернулась от него и уставилась в окно. Славка потоптался рядом и, наконец, удалился. Буквально через несколько секунд она услышала шаги за спиной, и бархатный голос спросил:

– Мне позволено будет пригласить вас на танец?

Света вздрогнула. Шереметьев. Только его и не хватало! Отказать? Получится слишком демонстративно, к тому же всех удивит, ведь она может танцевать с утра до вечера и никогда не отказывает кавалерам. Изобразив вежливую улыбку, она обернулась и протянула руку:

– Пожалуйста.

Звучала одна из мелодий группы «ABBA». Скрепя сердце Светлана положила руку на плечо Шереметьева. С гораздо большим удовольствием она расцарапала бы его холеную физиономию. Он же совершенно непринужденно наклонился к самому ее уху и прошептал:

– Не бойтесь, Светочка, вашу ужасную тайну я унесу с собой в могилу... Никто никогда не узнает о пикантной сцене у фонтана, невольным свидетелем которой я стал.

Его манера говорить напыщенно-театральными фразами ужасно раздражала.

– Ничего я не боюсь, – с независимым видом парировала она.

– И правильно. Настоящая советская девушка должна быть бесстрашной, как Зоя Космодемьянская. И вы, такая молодая, такая прелестная, скоро забудете, как страдали по Михаилу Улицкому. Поверьте, очень скоро. А вот мне, такому старому и повидавшему в жизни немало, никогда не забыть вашего пылкого признания. Жаль, предназначалось оно не мне...

– Никогда вы от меня ничего подобного не услышите, – выпалила она, кинув на нахала испепеляющий взгляд.

– Ого! Как вы сверкнули глазами! Вам кто-нибудь говорил, что они у вас цвета пьяной вишни? И чуть раскосые, как у газели. Редкой красоты глазки... А как они блестели, когда, рассвирепев, вы швырялись камнями!

– Вы можете говорить о чем-нибудь другом?

– Могу. Дайте телефончик.

– Зачем?

– Я приглашу вас на свидание. Вам ведь надо развеяться после...

– Я не дам вам номер своего телефона, – с мстительным злорадством выговорила она и добавила отдельно: – Потому что вы мне совершенно не нравитесь.

Вот так! Даже на душе полегчало! Этот мерзкий тип собрался поухаживать, а она его отбрила.

Музыка кончилась, партнер манерно поклонился.

– Благодарю за танец.

Света лживо-приветливо улыбнулась в ответ и вернулась к Славке.

Ужинали на свежем воздухе, за длинным столом возле мангала. После первого тоста Михаил сообщил родителям, что вместе с товарищами написал заявление

о зачислении в состав ограниченного контингента советских войск в Афганистане. Яна Витальевна охнула и схватилась за сердце. Павел Петрович гневно выкрикнул:

– С ума сошел? Мать в могилу вогнать хочешь? – и принялся успокаивать жену.

– У меня еще одно известие, думаю, узнать об этом вам будет приятнее, – поторопился добавить Миша. – Мы с Манечкой решили пожениться.

Похоже, это было неожиданным для всех, кроме Шереметьева и Светы. Мишины родители, не скрывая радости, первыми поднялись обнять жениха и невесту, затем вскочили с мест друзья. Объятия, поцелуи, поздравления. Во всеобщей суматохе никто не заметил, что Света стоит, будто окаменев.

Все. Вот теперь точно – все. Миша при всех сказал, что женится на Маньке, значит, так оно и будет.

Ее горестные мысли прервал шепот в самое ухо:

– Пойдемте, а то неудобно. Надо поздравить молодых.

Юрий Алексеевич повлек ее за локоть, и минуту спустя она с мертвым лицом сказала Мише и Мане нейтральное «поздравляю». Сияющая Манюня кинулась было подруге на шею, но ее отвлек Павел Петрович:

– Эх, Манечка, вот бы отец ваш порадовался. Помню, ты только родилась, я ему сказал: невеста нашему Мишке будет. Мы смеялись тогда, шутили вроде, а вы... Ну, молодцы!

Света незаметно покинула шумную толпу поздравляющих. С тоскливым лицом она сидела у стола, когда к ней подскочил возбужденный Славка.

– Светик, ты поняла? Они поженятся через месяц, и когда мы с Мишкой уедем, у него здесь останется жена, крепкий тыл... Ты не представляешь, как это важно для военного – знать, что тебя ждут. Если бы ты меня ждала, Светик...

– Да, – ответила она, думая о другом.

– Правда? Ты согласна?

Света смотрела на него невидящими глазами, а в голове метались не слишком связанные мысли: «Миша потерян. Славка придурок, но не самый худший вариант. Он вечно будет мотаться по гарнизонам. Конечно, я с ним никогда никуда не поеду... Тетя Поля меня любит. Если соглашусь стать Славкиной женой, я тем самым докажу Мише, что не больно-то он мне был нужен. Что я просто дурачилась... И Маньке докажу, что не одна она такая счастливая – я тоже выхожу замуж. И мы с ней станем – какая же это степень родства?.. Золовки или как?.. Неважно. Но и Миша станет мне родственником, значит... Ну вот и прекрасно. Я выхожу за Славку Ганелина».

– Да, – твердо повторила она.

Славка в восторге подхватил ее под мышки со скамейки и закружил. Света вяло отбивалась. Опустив ее на землю, он крикнул, отвлекая внимание от Мани с Мишей.

– Ребята! Мы со Светиком тоже женимся!

Глава 2

«Теперь о погоде. Сегодня, 1 мая 1988 года, в Ленинграде ожидается ясная солнечная погода, без осадков. Температура воздуха в городе 8–12 градусов тепла, по области воздух местами прогреется до 14 градусов. Ветер юго-западный, западный, один-три метра в секунду. Атмосферное давление 765 миллиметров ртутного столба».

Прислушиваясь к тихому бормотанию радиоточки, Света открыла глаза.

Начало седьмого. С минуты на минуту сын проснется, придется вставать и кормить.

Прошло почти два месяца, а она все никак не могла привыкнуть к мысли, что туго запеленатый сверток в кровати, периодически требовательно орущий, пачкающий марлевые подгузники, – ее ребенок. То, как рожала, смутно отпечаталось в ее сознании, да и весь прошедший год был словно сон. Порой по утрам казалось, что она в своей квартире, у родителей, в комнате, которую столько лет делила с сестрой... Но, открыв глаза, понимала, что ничего не приснилось, она больше не веселая девушка Света Харитонова, а офицерская вдова Светлана Ганелина. Ее сын Олег никогда не увидит своего отца, умершего от острой кишечной инфекции в каком-то таджикском ауле. А сама она после смерти мужа живет с его родными, тетей Полей и Манюней, искренне убежденными, что общее горе легче переносить вместе.

Света, и правда, горевала, но не по умершему мужу. Она тосковала по свободе, по тем временам, когда бегала на свидания и на танцы, была вольной девушкой, и этот кулек, периодически требующий молока, не висел гирей на ногах. Сколько раз проклинала она тот теплый майский вечер, когда, поддавшись импульсу, из чувства мести и зависти сказала Славке: «Да». Это короткое слово перевернуло всю жизнь.

Мать вообще-то одобряла ее выбор, считала новоиспеченного офицера неплохой партией для выпускницы школы и спрашивала:

– Что ты будешь делать, когда он уедет? – подразумевая, что влюбленная дочь станет тосковать по ушедшему воевать мужу.

Примеряя свадебное платье, Света беззаботно отмахивалась:

– Я не буду думать об этом сейчас. Потом подумаю, когда он уедет.

Свадьбы сыграли в один день, вскоре после выпускных школьных экзаменов. Улицкий-старший устроил так, что в зале Дворца бракосочетаний стояли сразу две пары: Маня с Мишей и Света со Славой. Соглашаясь на двойную свадьбу, Светлана не подозревала, на какую муку себя обрекает. Было невыносимо видеть, как Михаил надевает на тонюсенький Манькин пальчик кольцо, как целует ее... Хотелось оттолкнуть подругу и встать на ее место. Еще больше раздражал Славка в роли жениха. Он по-хозяйски целовал ее, и Света уже не имела права вывернуться, сказать: «Отстань, потом», как говорила еще вчера. С ужасом она думала о предстоящей ночи. А от мысли, что эту ночь с Мишей

проведет Манюня, сердце разрывалось.

Света долго не могла вспоминать ту первую ночь без содрогания. До чего же противен был Славка со своими пахнувшими водкой губами, невыносимы чужие волосатые руки, шарящие по ее телу, изучающие, давящие, раздвигающие... Он шептал о любви, а она испытывала только омерзение и боль. Сейчас ей казалось, что родить легче, чем еще раз пережить такое. Пытка повторялась по несколько раз каждую ночь, правда, к концу двухнедельного медового месяца Света уже немного привыкла, но все-таки не могла понять, как женщины выдерживают такое в течение всей жизни и почему секс называют удовольствием для двоих. Просто не представляла, как это может доставить удовольствие женщине.

Она не считала себя абсолютно безграмотной в вопросах секса. Еще год назад ею была прочитана брошюрка «Для вас, девушки». И Славка, придурок, буквально на второй день после свадьбы подсунул захватанные руками слепые репринтные странички с «позами» – просветить решил. Света брезгливо посмотрела картинки, даже подписи-объяснения к некоторым прочла, но не верила, что получит удовольствие, если, вывернув ее каким-нибудь изощренным образом, муж будет делать то же, что и в позе номер один. И она его действительно не получала. Поэтому, когда короткий медовый месяц подошел к концу, вздохнула с облегчением. На какое-то время она свободна от утомительных акробатических этюдов под названием «секс».

Миша с Манькой провели эти дни на даче. Увидев их на вокзале, Света была удивлена разительной переменой в подруге: Манюня буквально светилась от любви и счастья, несмотря на слезы, которые смахивала со щек торопливой рукой. Она даже похорошела за две недели. А Света... Скрепя сердце, она натягивала губы в улыбке, старалась болтать непринужденно, а сама исподтишка посматривала на Мишу. Поймать взгляд не удавалось, и лишь в самую последнюю минуту, когда он, наклонившись, целовал ее в щеку на прощанье, Свете почудилась тоска в его глазах. Тоска по ней, по возможному счастью, которое он перечеркнул, женившись на Маньке. След Мишиного поцелуя тут же был стерт Славкиными губами.

«Всю обслюнявил», – едва сдерживала она брезгливую гримасу, махая вслед удаляющемуся вагону, и, пока Манюня бессмысленно бежала за поездом до конца платформы, достала зеркальце, вытерла рот платком и вновь тщательно накрасила губы.

После Славкиного отъезда жизнь ее потекла почти как прежде. Света вернулась в родительский дом и первое время не ощущала себя замужней женщиной, не до того было. Вместе с Маней она поступала в институт культуры, но недобрала баллов и прошла только на вечернее отделение. А потом оказалось, что она беременна. Это неожиданное открытие путало все карты. Не моргнув глазом, Света сделала бы аборт, и анализы уже сдала, но мать обо всем догадалась, подключила Маньку и тетю Полю. Не могла же Светка в глаза им сказать, что ей не нужен ребенок от Славки? Да и сам он не нужен – она не любит его и проклинает тот день, когда согласилась на этот брак. Может, она все-таки и выложила бы им все это, но тут пришла телеграмма о смерти мужа.

Странные чувства испытала Светлана от этого известия. С одной стороны, было жаль Славку. Она знала его давно, они дружили, и пусть он был смешным, навязчивым и глупо-патриотичным, пусть измучил ее сексом за две недели медового месяца, но все-таки он был ей мужем. Однако эта жалость была какой-то отстраненной, ненастоящей. Слава умер далеко, она не видела, как он умирал, для нее он просто уехал и не вернулся. Зато где-то в глубине души тлела радость, что она так удачно развязалась с этим ненужным замужеством.

Потом было ожидание, когда привезут тело на родину, похороны, поминки, слезы Маньки и тети Поли, их причитания о том, что ребеночек, Славина кровиночка, будет всем утешением... Если бы Света избавилась от беременности – это убило бы их. И она изображала скорбь по Славке, которой на самом деле не испытывала. Близкие часто заставляли ее в слезах, жалели, утешали, говорили, что боль утраты со временем пройдет... И никто не догадывался, что плачет Света не о муже, а о своей загубленной жизни. Конечно, когда-нибудь, потом, она вновь станет относительно свободной. Но что такое свобода матери-одиночки?

Когда думала о том, сколько времени пройдет, пока ребенок родится, научится ходить, пойдет в детсад, Светке хотелось выть в голос. Она сама сковала себя по рукам и ногам, не видать ей счастливой веселой жизни в ближайшие несколько лет... Сейчас, только похоронив мужа, она не может веселиться, да и не стала бы – ведь не совсем же она бессовестная? А через пару месяцев живот начнет расти, она будет ходить, переваливаясь как утка, и ей станут уступать место в транспорте. А после – кормление, пеленки, распашонки, бессонные ночи... Все это ждет ее впереди, по-другому не бывает. Раньше она с жалостью смотрела на молодых мамаш, выглядевших усталыми, вымотанными, неухоженными. Думая, что и ее ждет такая же участь, Света впадала в

отчаяние.

До сорокового дня Маня и тетя Поля каждый день заходили за ней, и они вместе шли на кладбище. Свете эти посещения могилы казались бессмысленными: зачем каждый день поправлять украшающие скромное надгробие цветочки, обливаясь слезами, гладить могильный камень, шептать обещания покойнику, что никогда не забудут и приложат все силы, чтобы его сын вырос настоящим человеком?

– Я надеюсь, у тебя родится сын, – говорила подруге Маня. – Это такое счастье, иметь ребенка от любимого...

«От любимого, может, и счастье, – мысленно отвечала Света, для виду скорбно поджимая губы, – хотя с трудом в это верится. Интересно, как бы ты запела, если б тебя ежедневно тошнило до полудня и даже от одного запаха еды выворачивало? Думаешь, такое счастье понимать, что уже не лезет любимая юбка и пора шить бесформенный балахон, который скроет растущий как на дрожжах живот?»

– Я бы очень хотела забеременеть, – вздохнула Манюня. – Знала бы ты, Светочка, как я завидую тебе! Если с Мишей что-нибудь случится... У меня был бы его ребенок.

Мысль, что Миша там, где убивают, была нестерпима для Светы. А вдруг вместо очередного письма они получают извещение о его гибели? Представив это, она закусила губу, на глаза сами собой навернулись слезы.

– Ой, Светик, я такая бестактная! Как я могла не подумать, что с тобой уже случилось все самое страшное... Бедный Славик – он даже не узнал, что ты...

– Глупостей не говори! – резко оборвала подругу Света.

Манюня умолкла, раскаиваясь, что опять завела такой разговор. Светочке и так нелегко приходится, а ей вредно волноваться. Не стоит больше ей ходить на кладбище, решили они с тетей Полей. И еще надумали уговорить Свету переехать к ним. Славина комната пустует, и трехкомнатная квартира в сталинском доме намного просторней стандартной хрущевки Светиных родителей.

Все взвесив, Светлана согласилась. Действительно, в двух комнатах и вчетвером тесно. Маня и тетя Поля обещали во всем ей помогать, когда родится ребенок. Но самый главный аргумент – переехав в квартиру Ганелиных, она будет ближе к Мише. Конечно, когда он вернется, папаша устроит сыну отдельное жилье, но наверняка они с Манькой не забудут ее престарелую тетку. И Света сможет часто видеть его.

Время сыграло странную шутку с ее памятью. Она ждала Мишу, как ждала бы своего мужа, порой совсем забывая, что он женат на подруге. Света забыла все, что обидело и ранило ее во время их последнего объяснения, помнила только слова: «Тебя нельзя не любить...» Пусть Миша женат на Маньке. Ну и что? Многие ведь разводятся? Она совершила ошибку, выйдя за Славку, и он тоже поймет, что его женитьба – ошибка. Она заставит его это понять. Миша говорил, они слишком разные. Света станет такой же, как он. Серьезной, начитанной, постарается полюбить стихи, которые он так любит. Она даже согласна ходить с ним в филармонию! Она будет опорой для него, такой, какой Манька никогда не сможет стать. Куда ей, тихоне очкастой! Света может родить Мише сына. Подруга мечтает об этом – только вот получится ли? Хилая болезненная Манюня, даже если забеременеет, вряд ли сумеет выносить и родить здорового ребенка. А Светка родила такого крепыша – все им восторгаются! И сейчас, когда токсикоз, последние тяжелые недели, да и сами роды остались позади и слегка подзабылись, она готова родить еще раз, но уже от любимого. Может, права Манюня, и это совсем другое?

Опять молоко в одной груди кончилось, а сын еще не наелся. Прикладывая его ко второй, Света тихо бесилась.

Это не кормление, а мученье! Она чувствует себя ходячей молочной фермой, которая к тому же не выполняет план. И мама, и тетя Поля, и Манюня в один голос уговаривают ее потерпеть, не переходить на смеси, твердят, что грудное молоко ничто не заменит. Сами бы попробовали так помучиться! За полчаса до кормежки лифчик мокрый, грудь ноет, а ребенка приложишь, он мгновенно все высосет – еще подавай! Света решила, что подождет, когда сыну исполнится два месяца, и перетянет грудь, станет кормить его кашами и смесями. То есть тогда-то уж точно кормить его будут Манька или тетя Поля, которые по Олежке с ума сходят, дай только в руках подержать. Вот и пусть развлекаются, а она наконец-то отдохнет.

Нельзя сказать, что Света сильно уставала от ухода за младенцем – за два месяца не выстирала ни одной пеленки – но все равно, из-за кормления чувствовала себя связанной по рукам и ногам. Больше чем на три часа из дому не отлучиться, менять подмоченные или испачканные пеленки, да еще по ночам вскакивать...

Она глядела на слипающиеся от сытости глазки сына и пыталась представить, каким он вырастет. По всем признакам это будет вылитый Ганелин. Волосики темные. Говорят, они еще могут посветлеть, но уж точно – настоящим блондином Олег не станет. Глаза серые, нос картошечкой, головка с длинным темечком – ничего материнского, все от отца! Света прислушивалась к себе, искала в душе какие-то особые, материнские, теплые чувства, которые ей вроде бы полагалось испытывать, но вынуждена была признать, что ничего такого не чувствует. Порой ей даже не верилось: неужели это она его родила? Она знала, что должна любить сына, кормить, заботиться, но знание это было внешним, из головы, а не идущим от сердца.

В комнату заглянула тетя Поля, ранняя пташка.

– Наелся?

– Угу, – кивнула Света, укладывая сына в кроватку.

– Иди сама поешь. Тебе надо хорошо питаться.

Светка уселась за кухонный стол и придвинула к себе тарелку пшенной каши.

– Я налила в чай сгущенки.

– Опять? Тетя Поля, вы же знаете, я не могу пить эту гадость!

– Надо, Светочка. Между прочим, англичане пьют чай с молоком или со сливками.

– И мужчины? Они что, все кормящие?

– Нет, но это значительно полезней, чем просто черный чай. Спасибо Павлу Петровичу, прислал целый ящик сгущенки. – Полина Григорьевна вздохнула: – Не представляю, что бы мы без него делали? В магазинах прилавки почти пустые. Я уже забыла, когда сыр в нашем гастрономе видела... А конфеты? Бог ты мой, ну разве можно было ожидать, что леденцы станут дефицитом? Даже сразу после войны – сахар продавался по карточкам, но леденцы были.

– Неужели тогда самогона не варили?

– Не знаю. Но водка в продаже точно была.

– Вот именно. При всех властях была, а при Горбачеве не стало.

– Сама по себе антиалкогольная кампания – шаг правильный, только народ у нас уж больно привык пить, варит самогонку из конфет, и поэтому случился вот такой перекос в снабжении.

– Вечно у нас перекосы, – пробормотала Светка, хлебая противную сладкую бурду. – То в одну сторону, то в другую. Вечно чего-нибудь не хватает. Прямо по Райкину: пусть все будет, но чего-нибудь не хватает! Один маленький «диф-сит». Чтобы «туаровед» уважаемый человек был... Теть Польш, а может, они сами все это и устраивают?

– Кто?

– Товароведы. Ну, прячут продукты, чтоб к ним на поклон ходили, для связей разных: ты мне – я тебе. Как в фильме «Блондинка за углом».

– Светочка, нельзя же понимать все так буквально! Этот фильм – иносказание. О том, что духовное важнее материального, и это поняла даже такая ограниченная особа – блондинка, которую Догилева играла.

Опять тетя Поля завела свою любимую песню про духовность. Хорошая она тетка, но слишком уж интеллигентная, не от мира сего. А вот Светка сейчас не отказалась бы от чего-нибудь материального. Например, от новых сапог, или зимнего пальто, или от курточки кожаной с мехом, какую она прошлой осенью на одной девушке видела. Не куртка, а мечта! Света почти год не покупала

ничего из одежды. Сразу после смерти мужа неудобно было по очередям за дефицитом ломиться, потом беременность – какие наряды? А сейчас и купила бы, да магазины совсем опустели. Даже ситца, и того нет, а выкинут – так давка за ним.

Впрочем, хоть она и не покупала ничего, есть одна обновка. Яна Витальевна привезла из Польши Маньке в подарок платье. Поляки молодцы, делают модные шмотки. Только, видно, забыла Манькина свекровь, какая маленькая и хилая у нее невестушка. Платье оказалось безнадежно велико. Расстроенная Яна Витальевна бормотала, что если вот тут ушить и тут, да подкоротить... Манюня кивала вежливо и благодарила за подарок, а когда свекровь ушла, дала примерить платье Свете и, увидев, что на ней оно сидит как влитое, тут же предложила: «Носи, нечего вещь портить, тем более покрой сложный, нормально не ушить».

«Да, хорошая у Маньки свекровь, богатая и не жадная. А могла бы быть моей, – вздохнула Света. – Но, может, еще и будет?»

Сегодня, в честь праздника, она наденет это платье на обед. Тетя Поля салатов наготовила, и бутылка шампанского припасена. Хорошо бы кто-нибудь в гости пришел... Улицкие – вряд ли. Павел Петрович сегодня на трибуне. Своих Светка не приглашала. Если б только мама с Сонькой – тогда да. Но ведь праздник, значит, и папочка за ними увяжется, выпить на халяву. Ему известно, что у тети Поли всегда графинчик в серванте полон. Не коньяком, так водкой. Такая семейная традиция: пить не пьем, но спиртное для гостей держим. А отец в последнее время, как водка из продажи пропала, вдруг стал по ней тосковать. Раньше много не пил, только по праздникам или выходным, и то не каждый раз. А сейчас чуть не ежедневно находит где и с кем выпить. Мама даже опасается, что отравится он самогонкой. К тому же отец стал быстро хмелеть. Вначале, как водится – вселенская любовь, добродушная болтовня и объятия, и вдруг, будто выключатель щелкнул, раз – и в бешенство впадает. Однажды так разбушевался – маме пришлось милицию вызывать. Поэтому папочку за праздничным столом Света видеть не хотела.

Кто еще может прийти? Тети Полины приятельницы? Галина Адамовна – любящая почитать морали заслуженная учительница, биологичка, такая же старая дева, как Полина Григорьевна, и Вера Евгеньевна – тетина коллега по работе в техническом архиве НИИ, строгая вдова, хранящая верность умершему мужу уже лет двадцать. Старухи будут охать над Олежкой, жалеть его маму,

сокрушаться о безвременно ушедшем Славке... Веселая компания.

Может, к Манюне кто-нибудь заглянет? Однокурсники? Скорее, однокурсницы. Парней в институте можно по пальцам пересчитать. А Свете так хотелось увидеть хоть одно молодое мужское лицо. Не пофлиртовать – какой флирт в присутствии Маньки и ее тетки! Просто поймать заинтересованный мужской взгляд, почувствовать, что она все еще хороша и привлекательна.

Света встала напротив зеркала и приложила к плечам вешалку с темно-красным платьем из шелковистого бархата. Материал переливался на свету, и золотые нити, которыми он прошит, посверкивали. Света довольно улыбнулась своему отражению и подумала, что стоит попросить у тети Поли ее гранатовую золотую брошь и приколоть слева у ворота. Спускающийся фалдами ворот сам по себе интересен, но какое-нибудь украшение так сюда и просится...

Но кто увидит эту красоту, кроме старых перечниц, которые обычно приходят на праздники в дом Ганелиных?

– Манечка, Светочка, к нам сегодня заедет Юра! – сообщила тетя Поля девушкам, когда они вернулись с коляской с прогулки.

– Здорово! – обрадовалась Маня.

– Какой Юра? – не поняла Света.

– Юра Шереметьев, ты должна его помнить, он был на даче у Павла Петровича в тот день...

Света замерла на месте. Еще бы она не помнила! Мерзкий, наглый тип! И он сегодня будет здесь. Хоть из дому беги...

– Да, помню. Он нам целую лекцию прочел... Мань, чего стоишь, доставай ребенка, не слышишь, хныкает? Проголодался.

Света ловко перепеленала сына и уселась кормить, гадая, хватит ли времени привести себя в порядок до прихода этого пижона. Хочешь не хочешь, а не

выйти к праздничному столу нельзя.

Интересно, целый год о нем не было слышно, даже на Славкины похороны не пришел – тоже мне, родственник. И вот на тебе, нарисовался! Подарок к праздничку... А впрочем, может, и ничего? Хоть одна мужская физиономия будет за столом. И, в конце концов, на нем тоже можно проверить, не потеряла ли она привлекательность после родов. Помнится, Шереметьев спрашивал у нее телефончик?

Уложив заснувшего ребенка, Света сходила к тете Поле за брошкой и надела платье. К счастью, она не раздалась в ширину, как многие женщины после родов. Ни растяжек, ни складок, живот через месяц стал гладкий и упругий, почти как до беременности. Грудь кажется непропорционально большой, но когда кончит кормить, это пройдет.

Полюбовавшись на себя в полный рост, она вынула из тумбочки косметичку. В последний раз она брала ее в руки в середине августа, еще до известия о Славкиной смерти. Всмотриваясь в зеркало, Света отметила, что ежедневные прогулки с сыном принесли пользу, раннее весеннее солнце успело тронуть легким загаром щеки. Они немного похудели, но когда улыбаешься, ямочки все так же играют. Малиновый блеск для губ очень подходит к цвету платья. Ресницы надо накрасить погуще. Платье нарядное, и макияж должен быть ярким. Манька и тетя Поля удивятся – ну и пусть! Имеет она право один раз в год накраситься?

Звонок в дверь раздался, когда Света вставляла последнюю шпильку в прическу. Теткины подруги или он?

Тетушка позвала из коридора:

– Света, у нас гости!

Она вышла и плотно прикрыла за собой дверь. Увидев ее, Шереметьев изобразил легкое удивление.

– Здравствуйте, Светлана.

– Здравствуйте, – кивнула она.

– Светочка, займи, пожалуйста, гостя. Маня побежала в булочную, хлеб как всегда забыли, а у меня в плите пирог...

– Конечно, тетя Поля.

– Не беспокойтесь, мы не будем скучать, – заверил Юрий.

Круглый стол в гостиной был уже накрыт. Они устроились в разных концах дивана, и Шереметьев, сидя вполоборота, с откровенной улыбкой разглядывал Свету.

– Так значит, вы все-таки вышли замуж за Вячеслава? – начал он.

Она не сочла нужным отвечать, лишь посмотрела на перевязанный черной ленточкой портрет на серванте. Юрий проследил за ее взглядом, удивленно вскинул брови, затем хмыкнул:

– И уже вдова. Какая жалость!

Метнув на него гневный взгляд, Света прошипела:

– Могли бы хоть из приличия выразить соболезнование.

– Выражаю, – небрежно кивнул он. – А что, есть чему соболезновать? Конечно, тетушка и Маня понесли невосполнимую утрату, но вы-то тут при чем?

– Вячеслав был моим мужем.

– Еще скажите, что без памяти любили его и будете скорбеть до самой смерти.

– Да! – раздраженно отрезала она.

– Рассказывайте сказки кому-нибудь другому... С памятной мне встречи у фонтана до того момента, как вы надумали стать женой Славика, прошло не

более трех часов. Я мог бы посчитать, что это была любовь с первого взгляда, но это ведь не так?

– Что вы понимаете в любви...

– Я?.. – Он округлил глаза и проговорил с напускным сожалением: – Наверное, действительно – ничего. Я не пел песен про солнышко, не катал девушек на лодке, не носил их на руках... Нет, вру – носил. До постели.

– Пошляк! – презрительно бросила Света.

Юрий нагло улыбался, сверкая ослепительно-белыми зубами.

– Может, поговорим нормально?

– А с вами можно так разговаривать?

– Можно, я очень интересный собеседник. Так значит, вы поселились вместе с родственниками своего мужа. Как я понимаю, Маня тоже вышла замуж и ее супруг сейчас воюет в Афганистане?

– Да, – ответила она и вздохнула едва заметно.

– И вы решили оказаться рядом к тому моменту, когда он вернется. Надеюсь, что вернется...

Она промолчала, а Шереметьев продолжал:

– Вы рассчитываете отбить его у подружки? Зря. Ничего не выйдет. Я знаю таких людей, как Улицкий. Они, если женятся, то на всю жизнь. К тому же они с Маней кажутся мне очень гармоничной парой. Он ведь вам и в самом деле не подходит.

– А кто же мне подойдет? – с легким кокетством улыбнулась Света, взглянув на него из-под ресниц и ожидая услышать что-то вроде признания.

– Думаете, я предложу в качестве кандидата себя?

Она метнула на него удивленный взгляд, а он рассмеялся:

– Милая Светочка, я ведь не зеленый мальчишка и давно изучил все женские уловки. Можно даже сказать, что я легко читаю по лицу любой женщины.

– И что же такое вы прочли на моем лице?

Он несколько секунд молчал, не отрывая от нее глаз, а затем спросил:

– Как давно вы овдовели?

– Девять месяцев назад.

– Короткое было счастье. Утешьтесь – все-таки вы вдова героя.

– Вячеслав умер в дороге, не добравшись до Афганистана.

– Отчего?

– Что-то там с желудком. Инфекция.

– Итак, вы вдова и вынуждены скорбеть по мужу – так принято. А вы молоды, и вам хочется веселиться. Хочется на танцы, на концерт, в ресторан – да куда угодно... Мой вам совет, Светочка – вернитесь в родительский дом, там вы сможете вести прежний образ жизни. Отпадет необходимость разыгрывать из себя безутешную вдову.

Света хотела ответить ему какой-нибудь резкостью, но тут хлопнула входная дверь, в комнату заглянула Маня. Юрий поднялся ей навстречу.

– Машенька, я только что узнал... Понимаю, что любые соболезнования кажутся пустыми словами, когда такое горе. Прости, я был очень занят в этот год, часто уезжал, поэтому...

– Юра, не стоит извиняться... – прервала его Маня.

– Твой муж все еще там?

– Да. Мы надеемся, что летом ему дадут отпуск.

В соседней комнате заплакал Олежка.

– У тебя ребенок?

– Нет, это сын Светочки и Славика.

– Позвольте на него взглянуть? – обернулся он к Светлане.

– Пойдемте.

В комнате она сунула сыну пустышку, малыш зачмокал и умолк.

– Вылитый отец, – сделал заключение Шереметьев, заглядывая в кроватку.

– А на кого ему еще быть похожим? – ляпнула Светка.

Он рассмеялся и вернулся в гостиную.

Когда тетя Поля внесла пирог, Юрий выдал целую тираду с соболезнованиями и извинениями. Он выглядел таким искренним, что Света невольно восхитилась. Вот артист!

Это мнение укрепилось во время праздничного обеда, на который пожаловали обе подруги Полины Григорьевны. Шереметьев произнес прочувствованный тост за всех воинов-интернационалистов, живых и, увы, погибших – и все, кроме Светланы, прослезились. Он внимательно слушал жалобы пожилых женщин на трудную жизнь и дефицит, подробно расспрашивал Маню об институте.

– Света, а как у вас с учебой? – поинтересовался он.

– Я взяла академку.

– Но, конечно, продолжите в следующем году?

– Обязательно, – заверила она и перевела тему: – А вы чем занимаетесь? Вы, кажется, заведовали рестораном?

– И продолжаю заведовать. Теперь это кооперативный ресторан. Думаю, если и дальше так пойдет, он станет моим собственным.

– Целый ресторан? – охнула тетя Поля.

– Как это – собственный ресторан? – удивились Галина Адамовна и Вера Евгеньевна.

– Обыкновенно. Во всем мире рестораны частные. Или принадлежат большим компаниям. Как «Макдональдс», – объяснил Юрий, – слышали о таком?

Женщины отрицательно покачали головами.

– Это всемирная сеть ресторанов быстрого питания. Американское изобретение. По-нашему – закусочная. Фокус в том, что в какой бы точке мира вы ни зашли в «Макдональдс), вас ждет одинаковое меню и блюда совершенно одинакового вкуса: гамбургеры, чизбургеры, стандартные кусочки курицы с картошкой фри, пирожки. Все производится централизованно на пищевых заводах, в ресторане еду только греют по необходимости. Число этих ресторанов в мире превышает десять тысяч, и везде обслуживающий персонал носит красные шапочки с желтой буквой «М». Кстати, скоро в Москве откроется первый «Макдональдс), недавно подписано соглашение.

– А у нас, в Питере?

Юра пожал плечами.

– Думаю, и у нас будет.

– А вы были в таком ресторане? – любопытствовала Света.

Он кивнул с улыбкой.

– Был. И мне не понравилось. Знаете, Светочка, это и правда забегаловка. Цивилизованная, но забегаловка. Я предпочитаю нормальные рестораны, где на кухне творит настоящий повар и блюдо готовят по моему заказу, а не пихают в микроволновую печь замороженный полуфабрикат.

«Рестораны!» – мысленно вздохнула Света. Она была в ресторане два раза в жизни. На свадьбе двоюродной сестры и на своей собственной.

– Так вы бывали за границей?

– Да, теперь я там часто бываю. Я открыл совместное предприятие, кстати, благодаря протекции твоего свекра, Машенька.

– И чем же занимаются такие предприятия?

– Лично я занимаюсь продуктами.

– Похоже, из нашей страны вы их вывозите за рубеж, – высказалась ядовито Света.

– Напротив, ввожу, – ничуть не смутился он.

– Незаметно.

– Пока объемы небольшие. К тому же это деликатесы, их можно отведать в кооперативных ресторанах.

– Хотела бы я знать, у кого есть на них деньги...

– Они не пустуют, поверьте.

– Ничто не ново под луной! – изрекла Вера Евгеньевна. – Я помню, после войны открылось несколько коммерческих ресторанов. Там было все, и без карточек, но только очень уж дорого.

– Ты еще НЭП вспомни, – покачала головой Галина Адамовна.

– НЭП я, конечно, не помню. Но по телевизору говорят, что открытие кооперативов – это возрождение НЭПа, и теперь НЭП считается вроде как прогрессивным. И еще говорят: если бы Ленин не умер, эту политику не прикрыли бы.

– Вы абсолютно правы, Вера Евгеньевна. Жаль, Владимир Ильич прожил так недолго. Еще говорят, что в последние годы наш вождь сильно болел, был практически парализован. И как у него хватало сил писать свои статьи, управлять такой большой страной из Горок!

Свете показалось, что одна она заметила иронию в словах Шереметьева.

– Да, а Сталин, придя к власти, совершенно искривил ленинскую линию! – горячо заявила старая биологичка.

– Полностью с вами согласен, – с серьезной миной кивнул Юрий. – Ленинская линия была значительно прямее.

Заметив изумленно распахнутые глаза Мани, он, наконец, унялся.

– Простите, милые дамы, мне позволено будет выйти на лестницу покурить?

– Кури на кухне, Юрочка, – разрешила тетя Поля.

Спустя пару минут, собрав грязные тарелки, Света направилась вслед за ним. Присев на подоконник, Шереметьев курил под открытой форточкой.

– Зачем вы паясничали? – поинтересовалась она, ставя стопку тарелок в раковину.

– Не мог сдержаться. Они такие смешные со своей искренней верой в светлый ленинский путь, которым могла бы идти страна, да вот Сталин помешал!

– А вы в это не верите?

– Я верю в то, что человек сам кузнец своего счастья. И если каждый по отдельности добьется благосостояния – государство станет богатым и сильным.

– Так вы верите только в деньги? – презрительно скривилась Света.

– Не я это придумал. Миром правит золотой телец.

– Неправда! Наша страна семьдесят лет жила другими идеалами!

– Чушь вы говорите. Идеалы были в документах съездов и пленумов, на страницах газет. А в жизни... Каждый хочет быть сытым и одетым, и не просто одетым, а одетым красиво и модно. Каждый мечтает иметь квартиру, машину и дачу. А заимев все это, мечтает о более просторной квартире, о новой машине. Не о садовом домике на шести сотках, а о просторном коттедже где-нибудь в районе Сестрорецка. Каждый мечтает разбогатеть. И всегда мечтал. Во все времена.

– Вы... – Свету возмутили эти слова, ей захотелось сказать что-нибудь обидное, но она не нашла ничего лучше, как брякнуть: – Вы – кооперативщик!

Шереметьев расхохотался:

– Вы констатируете факт или пытаетесь оскорбить меня? Так я не оскорбился.

– В нашей стране всегда все были равны. А такие как вы... Вы обворовываете народ!

– Пока еще ничего не украл, но... очень хочется. И о каком равенстве вы говорите, девочка? Может, ваша семья живет так же, как семья второго секретаря обкома товарища Улицкого? Я привожу вам в пример его, но, поверьте, есть люди и побогаче.

Света уже открыла рот, чтобы возразить, но задумалась. Действительно, равенство если и было когда-то, то давно прошло. А может, и не было его никогда? Бабушка говорила, в Смольном в блокаду чуть ли не зефир лопали...

– Так что, дорогая моя юная защитница коммунистических идеалов, равенства не было, нет и никогда не будет! Все это утопия. А вообще-то вы меня удивили. Не думал, что в такой хорошенькой головке найдется место для идеологической чепухи. Лучше бы вы думали о нарядах и кавалерах.

– Какие кавалеры? – раздраженно отмахнулась она.

– Что, трудно приходится? – вдруг спросил Юрий участливо.

Света удивленно взглянула. Синие глаза смотрели на нее серьезно и доброжелательно.

– О чем вы?

– Трудно одной с ребенком?

– Я не одна, но... – Она вздохнула. – Конечно, нелегко.

– Ничего, вы сильная и энергичная, обязательно справитесь. Это пока ребенок маленький тяжело, потом станет полегче.

Она улыбнулась, снова слегка кокетничая:

– Оказывается, вы умеете нормально разговаривать. Почему вы постоянно паясничаете? Что это за манера у вас, будто граф какой на сцене?

Он рассмеялся:

– Фамилия обязывает. Пытаюсь соответствовать.

– А вы что, и правда, из графьев?

Юрий отрицательно покачал головой.

– Нет. Моя фамилия пишется с мягким знаком, а к вашему сведению, тот Шереметев, что раньше Петра с императрицей переспал, писался без такового.

– Вечно вы пошлости какие-то говорите...

– Это исторический факт. Роман Алексея Толстого в школе проходят, вы что, не читали?

Света и в самом деле не читала эту книгу. Ей она показалось скучной – стрельцы, бунты... Действующих лиц слишком много. Но фильм она смотрела и сейчас вспомнила мерзкую рожу графа, треплющего по плечу будущую императрицу.

– Не очень симпатичный был у вас предок, – высказалась она.

– Повторяю – не предок. Я вам объясню про этот мягкий знак, наверняка вы не знаете... Крепостные крестьяне не имели фамилий, то есть родового имени. Писалось: Ефим, Петров сын, крепостной графа Шереметева. А после 1861 года бывшим крепостным потребовались фамилии. Кто-то стал писаться по прозвищу, кто-то по имени отца, а некоторые – по фамилии прежнего барина. Но чтобы не путать черный люд с господами, фамилию немного видоизменяли. В данном случае – Шереметьев, то есть принадлежавший Шереметеву.

– Так вы из крепостных... – насмешливо протянула Света.

– Тешу себя надеждой, что во мне течет несколько капель голубой крови. Господа ведь частенько улучшали крестьянскую породу...

Она отметила про себя, что это похоже на правду – уж очень гордая у него осанка и породистое лицо.

– ...А может, какой-нибудь писарь сделал ошибку в документах, году этак в восемнадцатом, по просьбе трудящегося дворянина. Я генеалогическими изысканиями не занимался. Знаю только, что деревенской родни у меня нет. О, чайник уже вскипел! Помочь вам нести чашки?

Шереметьев стал частенько появляться в доме Ганелиных. Вроде бы заботясь о родственниках, он привозил дефицитные продукты: то палочку немецкой колбасы, то голландский или французский сыр, то ветчину. Однажды притащил целую коробку детского питания. Света обрадовалась импортным банкам, ведь развести порошок кипятком намного удобнее, чем варить каждый раз кашу.

И хотя ее раздражала Юрина самоуверенная и наглая манера, она с нетерпением ждала этих визитов. Все-таки какое-то разнообразие в ее скучной жизни.

Она замечала, что нагло он держится, только когда они остаются наедине, в присутствии тети Поли и Мани ведет себя безупречно, а к ним самим относится с неизменным уважением. Размышляя о том, почему он так себя ведет, Света сделала вывод, что Шереметьев в нее влюблен. Мужчина есть мужчина, будь ему четырнадцать лет или тридцать три, и так же как школьник дергает за косы или дразнит одноклассницу, которая ему нравится, так и Юрий...

Шереметьев был взрослым человеком, а раньше ее ухажерами были одни мальчишки. И еще, в нем было что-то очень притягательное: не только широкие плечи, высокий рост и белозубая, порой нахальная улыбка... Света заметила, что стоит ему появиться на пороге, как сердце ее начинает биться учащенно.

«Конечно, я нисколько не влюблена в него, – рассуждала она сама с собой, – однако приятно иногда увидеть мужскую физиономию в нашем женском царстве. Тетя Поля считает, что Юра приходит поддержать родню в трудное время, и вечно рассыпается в благодарностях, называет роскошью любую коробку конфет или палку колбасы. Но мне-то известно, почему он появляется в этом доме».

Несколько раз Шереметьев вызвался сопровождать ее, когда она выходила погулять с сыном. Света катила коляску, а он, шагая рядом, затевал вроде бы шуточные разговоры, в результате которых нередко выводил ее из себя. Особенно если принимался намекать на ее любовь к Михаилу Улицкому или на то, что она лицемерно строит из себя безутешную вдову в присутствии родственников покойного мужа.

– Вы кривляетесь ради того, чтобы оставаться в этом доме и иметь возможность украсть мужа у своей подруги – когда он появится...

– Неправда! – возмущалась Света.

– Значит, правда в том, что здесь вам удобнее.

– Вот это, действительно, правда! Предлагаете мне переселиться вместе с сыном в одиннадцатиметровую комнату? К тому же там живет моя сестра.

– Здесь с вас пушинки сдувают, с ребенком нянчатся, а там, наверное, все придется делать самой? А вам не больно этого хочется – не такая уж прилежная вы мамаша. Я заметил, вы с легкостью переложили большую половину своих материнских обязанностей на плечи Мани и тетушки. Полагаю, вы бы с удовольствием отдали им ребенка насовсем – только такой поступок вызовет всеобщее осуждение. А вам ведь не хочется, чтобы вас осуждали. Вам хочется прослыть добропорядочной молодой женщиной, которая с честью переносит тяготы вдовства и мужественно растит сына в одиночку.

– Глупостей не говорите! – возмутилась Света. – Никем мне не хочется прослыть!

– А если не хочется, тогда сообщите сегодня тетушке, что пойдете со мной в ресторан, или вы желаете на дискотеку?

Предложение оказалось настолько неожиданным, что Света застыла на месте. Как ей хотелось в ресторан! В нерешительности кусая губы, она колебалась. Сказать, что не может? Но ведь это подтвердит его слова о том, что она лицемерка.

– Боитесь? – подначивал Юрий.

– Нет, но...

– А если что-нибудь соврать? – смеющиеся синие глаза прищурились. – Например, что вы приглашены на день рожденья подружки...

– Нет у меня подруг.

– Я заметил. Кстати, я часто задавался вопросом, что связывает вас с Маней? Признаться, меня удивила ваша дружба. Подозреваю, что дело тут в Улицком.

Черт бы его побрал! Почему он всегда все знает о ней? Постаравшись придать голосу равнодушие, Света ответила:

– И вовсе нет. Просто в школе все девчонки мне завидовали, кроме Маньки. Так и получилось, что мы подружились.

– Авы ведь не любите Маню, – покачал он головой. – Вы ее даже слегка презираете. Она служила вам для контраста, для фона. По-вашему, Манечка слабенькая серенькая особа, способная лишь оттенять яркие краски, которыми наделила вас природа. А вот на тебе – увела потенциального жениха из-под носа у такой красавицы, как вы.

– Знаете, что? – рассердилась Света. – Ни в какой ресторан я с вами не пойду. С вами невозможно общаться! Вечно вы скатываетесь на одну и ту же тему!

– На Улицкого? Так ведь и вы о нем постоянно думаете. Ладно, Светочка, проехали. Так что же нам соврать?

Она сочла за лучшее притушить гнев и с некоторым сомнением промолвила:

– Я могу сказать, что еду проведать сестру своей бабушки. У нее нет телефона, и проверить нельзя.

– А если ваша мама узнает, что вы никуда не ездили?

– У старухи склероз, скажу, что она забыла. Только тогда не на дискотеку, потому что придется пораньше вернуться. Хотя я сто лет не танцевала...

– Ничего, в ресторанах тоже бывает музыка, – успокоил он ее.

Света обрадовалась, но через несколько секунд спросила озабоченно:

– А где мне переодеться? Не могу ведь я нарядная поехать к бабке?

– Если возьмете платье с собой, я все устрою. Итак, какой день вы назначите?

– Субботу. Маня и тетя Поля дома.

– Заметано. В пять часов я подъеду к арке у выезда со двора.

– Нет-нет, лучше на углу, возле трамвайной остановки. А то еще увидит кто-нибудь...

– И вашему имиджу конец! – рассмеялся он.

Вечером в субботу она впервые почти за год почувствовала себя свободной. Едва оказавшись в машине Шереметьева, Света забыла, что она офицерская вдова и мать трехмесячного сына.

– Шикарное авто, – оценила она, усаживаясь на мягкое сиденье и разглядывая салон. – Это «мерседес»?

– «BMW» тоже хорошая немецкая марка. Платице прихватили?

– Угу. И куда мы поедем?

– Приглашать вас к себе домой я счел неприличным, – усмехнулся Юрий. – Заскочим ко мне на работу, там вы переоденетесь, и мы отправимся в «Метрополь».

– О-о! – обрадовалась она. – Я слышала, это шикарное место!

Небольшой кооперативный ресторан, которым заведовал Шереметьев, располагался на Литейном проспекте. Оставив Свету в своем кабинете, Юра удалился, а когда она вышла, накрашенная и нарядная, окинул ее одобрительным взглядом, однако заметил:

– Белая сумка и босоножки не совсем подходят. Какой у вас размер обуви?

– Тридцать седьмой, – немного растерявшись, ответила она.

– Я подарю вам туфли под это платье и сумочку. Бордовый лак. Постараюсь не напутать с оттенком.

– Где вы их возьмете?

– В Финляндии или в Швеции, я часто там бываю. Ну что, поехали?

Целую неделю Света находилась под впечатлением от ужина в «Метрополе». Ее поразило дворцовое великолепие зала – мраморные колонны, золоченая лепнина под потолком, бархатные драпировки, сверкающие хрусталем бра в простенках. Едва они уселись за сервированный по-царски стол, рядом возник официант.

– Добро пожаловать. Все, как вы заказывали, Юрий Алексеевич?

Шереметьев кивнул. Пока Светлана с интересом оглядывала зал и публику, им принесли салаты, мясное ассорти, блюдо с красной рыбой и копченой осетриной, икру. На столе появилось несколько бутылок. В замешательстве Света медлила – хотелось попробовать и то и это – но она не знала, за какую из трех вилок взяться. Сдерживая улыбку, Юра пояснил:

– Все очень просто – с краю приборы для рыбы, потом для мяса и салатов, возле тарелки те, которыми мы будем есть горячее. Я заказал фрикасе.

– Фрикасе?

– Курицу с грибами. Очень вкусно, готовится только на сливочном масле.

Напитков, которые подливал Юра, она никогда не пробовала. Французский коньяк не оценила, зато понравился джин «Бифитер», разбавленный тоником. Она выпила два больших бокала и, хотя напиток казался некрепким, почувствовала, что слегка опьянела.

– Вы решили спить меня? – хихикнула она.

– С какой целью? Вы полагаете... – усмехнувшись, Шереметьев покачал головой. – Нет, моя дорогая, я надеюсь совратить вас в трезвом виде.

– Глупостей не говорите!

– Мы довольно давно знакомы, Светочка, не пора ли перейти «на ты»?

Она не чувствовала себя готовой говорить «ты» взрослому мужчине, ведь он старше на целых четырнадцать лет. Быстро взглянув на него, она с притворной скромностью опустила ресницы.

– Вам не терпится выпить «на брудершафт» и поцеловаться?

– Меня давно не интересуют подобные поцелуи, – хмыкнул он.

– Какие это – подобные?

– Без продолжения. Уж если целоваться, так...

Было ясно, на что он намекает. Но вот ей как раз продолжения и не хотелось. Хватит с нее воспоминаний о двухнедельном сексуальном марафоне с мужем.

Юра не отрывал взгляда от ее губ.

– Я ведь взрослый мужчина, а не мальчик. Да и вы уже не девочка...

– Но я не собираюсь целоваться с вами, – пусть поймет, что и всего остального ей не надо. – Останемся «на вы».

– Как вам будет угодно. Меня это не слишком напрягает. Напротив, в этом обращении есть какая-то старомодная прелесть. Конечно, я мог бы обидеться, что вы не поняли мой прозрачный намек... Но я не обижаюсь.

– Все я прекрасно поняла и, по-моему, вполне определенно ответила. Так вас интересуют только постельные отношения с женщинами? Тогда это наша последняя встреча.

Глядя на ее гордо вскинутую головку, Юра рассмеялся:

– Ну, недостатка в женщинах для «постельных отношений», как вы выразились, у меня никогда не было. А с вами встречаться мне хочется. Бескорыстно.

– Это почему же?

Ей было любопытно, что он ответит. Вот бы признался, что влюблен, влюблен по-настоящему!

Но Юрий, выдержав паузу, промолвил, задумчиво глядя на нее:

– Вы мне интересны как личность. Вы противоречивы. В вас уживаются и темперамент, и расчет. Вы пытаетесь выглядеть добропорядочной женщиной, но частенько пренебрежительное отношение к окружающим прорывается наружу. И как этого не замечают тетя Поля и Манечка?.. Если вам чего-то хочется, вы способны уверить себя, что обязательно добьетесь этого, пусть придется наплевать на дружбу, чувство благодарности, совесть... Не хмурьте бровки. Я имею в виду не только ваше желание добиться Улицкого. Я говорю вообще... Мне кажется, если вы поставите перед собой цель – то будете по головам к ней идти.

– А это плохо? – мрачно поинтересовалась Света.

Он пожал плечами:

– Да нет. Мне даже нравится. В этом вы похожи на меня. Я же говорю – вы интересная особа. Вы молоды, характер ваш еще не до конца сформировался. Я бы сравнил вас с личинкой неизвестного насекомого, и непонятно пока, превратится ли она во что-нибудь полезное, или вылупившаяся тварь станет вредителем. Предполагаю последнее. Но все равно, мне будет любопытно наблюдать за метаморфозами.

Света хотела обидеться на такое сравнение, но передумала.

– Чем слушать ваш бред про насекомых, я бы лучше потанцевала. Оркестр уже играет.

– Слушаю и повинуюсь. Я обещал вам танцы, и вы их получите!

Шереметьев танцевал отлично, лучше всех знакомых парней, даже лучше Миши. Она чудесно провела этот вечер и надеялась, что он не последний.

Спустя две недели Юрий пригласил ее на концерт, затем опять в ресторан, потом на дискотеку. Каждый раз ей приходилось выдумывать повод, чтобы уйти из дому.

– Не проще ли сказать правду? – предлагал он. – Что вы соскучились и вам хочется развлечься? В конце концов, я вожу вас в общественные места, в этом нет ничего дурного. К тому же все тайное когда-то становится явным.

Но Света упорно «ездила навещать двоюродную бабушку». Она была рада, что Юра вытаскивает ее развлечься, кроме того, он ей нравился.

Шереметьев не походил ни на одного из ее прежних кавалеров. Парни, с которыми Света флиртовала до замужества, были мягкой глиной в ее руках, и она всегда ощущала себя хозяйкой положения. С Юрой так не получалось. Никогда она не знала, чего от него ожидать. То он с легкой усмешкой безропотно отпускал ее потанцевать с другими, а то вдруг разыгрывал недовольство, что зря за ней таскается, а она не уделяет ему должного внимания. Иногда, подпитывая ее самолюбие, рассыпался в цветистых комплиментах, а чуть позже, когда она надувалась, возгордившись своей необыкновенной красотой, вдруг спускал с небес на землю, утверждая, что только дурочка непомерным самомнением может так воображать. Света ловилась на эту удочку, наговаривала ему кучу гадостей и заканчивала тем, что в жизни больше с ним никуда не пойдет. Но проходило несколько дней, он вновь появлялся как ни в чем не бывало и опять куда-нибудь приглашал. Света говорила себе: «Не стоит обращать внимание на эти его фокусы. Юра есть Юра. Да он спать спокойно не сможет, если не будет подкалывать меня постоянно. Такая уж у него натура».

Когда во второй половине августа они договаривались о следующей встрече и Юрий сообщил, что на ближайшую субботу у него два билета в БДТ, Светлана отказалась:

– Нет, не раньше чем через две недели. Миша приезжает.

Когда она произнесла это имя, глаза ее светились от счастья.

– Вот как? – протянул Юрий. – А я-то гадал, отчего вы сегодня порхали как бабочка и даже не отвечали на мои колкости... В мечтах вы уже были со своим Мишенькой и не слушали меня. – Он смолк на секунду и продолжил совершенно другим, вовсе не игривым тоном: – Вам напомнить, что он чужой муж?

– Я помню, – сердито сжала она губы.

– Так вы не пойдете со мной?

– Нет.

– Ну и черт с вами! Желаю приятно провести время.

Миша так изменился, что Света едва узнала его. Она выглянула в коридор на поздний звонок, а там Манька уже висела на худом, загорелом до черноты мужике в выцветшем камуфляже. Манюня плакала от счастья, поскуливая, а он, зажав в ладонях ее лицо, целовал в щеки, в нос, в губы, куда придется, целовал жадно, не по-братски... Пока не увидел Светлану, застывшую в дверях своей комнаты.

Оторвавшись от жены, Миша протянул руку:

– Здравствуй, Светочка.

Ноги будто свинцом налились, она с трудом сделала этот шаг, пожала руку и, встав на цыпочки, коснулась губами шершавой щеки. Подоспевшая тетя Поля, в накинutom на ночную сорочку халате, оттеснила Свету.

– Мишенька, мальчик! Господи, счастье-то какое... Хоть один живой вернулся... – Она обняла Михаила, всхлипнула, заплакала, но тут же утерла набежавшие слезы. – Раздевайся, умывайся, сейчас что-нибудь на стол соберу.

Просидели до первого часа ночи. Света силилась не смотреть постоянно на Мишу, но удавалось плохо. Хотела поймать его взгляд, но он упорно отводил

глаза. А ведь, мечтая об этой встрече, она столько всего насочиняла... Манька несколько лет была ее тенью и казалась такой незначительной, что порой Света забывала, что именно подруга, а не она – жена Михаила. В мечтах возвратившийся Миша целовал и обнимал ее. А он целовался с Манюней. Целовался, не стесняясь, у нее на глазах. Света пыталась держаться непринужденно и весело, но до чего же горько было на сердце!

Всматриваясь в Мишино лицо, она заметила, что изменился он не только внешне. Он уезжал год назад юношей с мечтательными добрыми глазами, с высоким чистым лбом и гладко выбритыми бледными щеками. А сейчас перед ними сидел мужчина, которому по виду никто бы не дал меньше тридцати. Высохшая темная кожа лица местами шелушилась – так он обгорел под безжалостным солнцем. Глаза стали светлее, в них читалось какое-то горькое знание. Даже движения Михаила стали другими, более напряженными и порывистыми.

«Мишенька, бедный мой, что же эта война с тобой сделала!» – мысленно причитала Света.

Манюня бестолково рассказывала о том, как Славика хоронили, об институте, об Олежке. Тетя Поля принялась было расспрашивать – что там, в Афганистане? Но Миша покачал головой:

– Тетя Поля, вы же понимаете, я подписку давал...

– Какую подписку?

– Что не буду разглашать сведения о ходе боевых операций. А кроме этого там, в общем-то, ничего и не было.

– Так вы что, постоянно воевали?

– Бои случались достаточно часто, – ответил он после небольшой паузы.

– А афганцы, они, и правда, такие страшные?

Он промолчал.

– А женщин в чадрах ты видел? – продолжала допытываться Полина Григорьевна.

Миша кивнул.

– А про наркотики – это правда?

Он утвердительно прикрыл глаза и вздохнул.

– Мишенька, надеюсь, ты...

– Нет, тетя Поля, я не пробовал наркотиков, хотя порой... очень хотелось.

– Ну, засиделись мы, – проговорила Полина Григорьевна, взглянув на часы. – Миша, вы завтра к твоим родителям? Наверное, всю эту неделю на даче проведете?

«Они уедут. Он в отпуск всего на неделю, а я и не увижу его», – поняла Света, и лицо ее потускнело.

– Мишенька, а если и Света с нами? – попросила Манюня. – Там ведь хватит места. И Олежке очень полезно побыть на свежем воздухе. Ой, он такой славный! Настоящий пупсик, и развит не по возрасту. Сел в пять месяцев, а это очень рано!

Маня так хвасталась, будто это ее сын, а Света молчала, она с трудом выдавила из себя несколько слов за весь вечер.

Миша взглянул на спящего в кроватке ребенка, пожелал спокойной ночи, и они с Маней удалились в свою комнату.

Едва дверь за ними закрылась, Светлана рухнула на диван и разрыдалась. В голове вдруг всплыли строчки Маяковского, его когда-то читала ей вслух Манька. Стихов Света не выносила, но эти отпечатались в памяти.

А я вместо этого

До утра раннего, в ужасе,
Что тебя любить увели,
Метался, и мысли в строчки выгранивал
Уже наполовину сумасшедший ювелир.

«Про ювелира ни к чему, для рифмы, но главное-то верно: „в ужасе, что тебя любить увели“. Должно быть, когда за Бриками захлопывалась дверь, Маяковский испытывал то же, что и я. Манька говорила, у Лили Брик было два мужа... Я бы согласилась на роль второй Мишиной жены. Второй, но главной, любимой... „Господин назначил меня любимой женой!“ ...Что за чушь лезет в голову! – грустно усмехнулась она. – Но ведь имеют же мусульмане по несколько жен? Интересно, как они между собой, небось, дерутся за право увести мужа в свою спальню?»

«В ужасе, что тебя любить увели...» – прошептала она и вспомнила Славку с его «акробатическими этюдами». Представив Маню в одной из «поз», Свету передернуло. Но тут же подумалось, что секс с Мишей никак не может быть таким... И вообще, Миша не может заниматься сексом, он может заниматься любовью – это ведь совсем разные вещи!

«Я не буду думать о том, что они там делают, в Манькиной комнате. Лучше думать о том, что завтра мы поедem на дачу Мишиных родичей, и я буду видеть его постоянно, целую неделю».

Зря Светлана надеялась. За всю неделю в Солнечном ей ни разу ни на минуту не удалось остаться с Мишей наедине, Манюня ходила за ним по пятам, глядя с восторгом и любовью, буквально не выпуская его руки. А Свете хотелось оторвать подругу от мужа и втолковать ей, наконец: «Это место должна занимать я».

Она пристально следила за Мишей, пытаясь уловить, как он смотрит на жену. Во взгляде его читалась доброта, тепло, забота – больше она ничего не замечала. А когда – к сожалению, не часто – сама встречалась с ним глазами, то видела в них мужское восхищение.

Яна Витальевна хлопотала вокруг сына, сокрушалась, что отощал, старалась накормить повкуснее. Каждый вечер на дачу приезжал Павел Петрович, и они с Мишей подолгу беседовали в кабинете.

Накануне Мишиного отъезда Яна Витальевна слегла от расстройства с высоким давлением, а ее невестка целый день сосала валидол. Павел Петрович в последний раз предложил:

– Останься, сынок. Сделаем любую справку, хочешь – в больницу положим, все будет официально. Ну зачем тебе возвращаться? Все равно уже начался вывод войск.

– Но мою часть еще не вывели. Папа, ты знаешь, я всегда был против того, чтобы использовать твое положение.

– Ну и дурак! – в сердцах крикнул старший Улицкий. – Если о нас с матерью не хочешь, о жене хоть подумай – у нее сердце больное! Ты что, забыл?

После этого разговора Михаил твердо заявил, что провожать его не надо.

Узнав, что ни Мишины родители, ни Манька не поедут на Московский вокзал, Света тут же выдумала себе дело в городе и наспех попрощалась.

– До свиданья, Миша. Когда вернусь вечером, тебя уже здесь не будет. Береги себя.

Увидев ее на перроне возле «Красной стрелы», Улицкий замер.

– Зачем ты приехала, Света? Я ведь просил...

– Я не могла не приехать, Мишенька. Мы с тобой слова не сказали, а ты уже уезжаешь.

Она заглядывала ему в глаза, и сердце переполняла радость, что в эту минуту может не стесняться.

– Мишенька, знал бы ты, как я ждала! Я ведь все еще люблю тебя!

– Света, не надо...

– Миша, я не навязываюсь и ничего не требую. Просто... Просто ты – самое светлое мое воспоминание в жизни, и я берегу его. И всегда буду беречь.

– Я тоже вспоминал о тебе, – сказал он сдержанно, но глаза его выдали. Он смотрел на нее, не отрываясь, с такой любовью...

– Миш, поцелуй меня, – жалобно попросила Света.

Он осторожно взял ее лицо в ладони и поцеловал в губы. Поцелуй был долгим, но не страстным, а будто обреченным. Оторвавшись от нее, он пробормотал:

– Я не должен был...

– Почему? Всего один поцелуй, я буду помнить о нем.

– Зря я узнал вкус твоих губ...

– Миша, так ты все-таки любишь меня? – расцвела она.

– Люблю, хоть и не должен.

После этих слов Света вновь кинулась ему на шею, сама нашла его губы...

Их прервал голос из репродуктора: «Поезд „Красная стрела" отправляется с третьего пути в двадцать один час пятьдесят три минуты».

Пересиливая себя и ее, Миша отстранился, кинул взгляд на вокзальные часы и поднял рюкзак.

– Две минуты осталось. Светочка, ты самая лучшая на свете, ты сделаешь, что я попрошу?

– Я все для тебя сделаю, – торопливо пообещала она.

– Не бросай Маню.

Что?.. Он ведь признался, что любит... И опять – Маня?

– Она очень привязана к тебе, у нее больше нет подруг, и если ты... Я прошу...

– Не беспокойся, я не выдам тебя, – сразу потускнев, вздохнула Света.

– И еще – позаботься о ней, если что...

– Если – что? Миша, не говори так! Ты скоро вернешься, войска выводят...

– Надеюсь, но ты обещай не бросать Маню и позаботиться. У нее сердце больное.

– Обещаю, – вздохнула она, опуская взгляд.

– Ну, вот и все. Время...

Он в последний раз порывисто обнял ее и вскочил на подножку рядом с проводником. Поезд тронулся, а она все смотрела вслед невидящими глазами, пока состав не скрылся за поворотом.

«Я знала, что он все-таки любит меня! И страдает, так же как и я. Мишенька, ты думаешь, этот узел нельзя разрубить? Можно. И мы это сделаем, как только ты вернешься».

С этой уверенностью Света прожила несколько дней. Перебирала в памяти все его взгляды, слова... Несмотря на разлуку, она была счастлива этими воспоминаниями. А Маня слегла от расстройства, даже врача вызывали. Тот прописал что-то от сердца и успокоительные.

Слабачка, думала Света, подавая подруге лекарство. И тут ей вспомнились последние Мишины слова: «Позаботься о Мане». Она досадливо сморщилась.

Обещала – придется теперь заботиться.

– Спасибо, Светочка, – благодарно улыбнулась Маня. – Как я некстати разболелась... Только добавляю тебе хлопот.

– Глупостей не говори! – резко оборвала Света. – Мне совсем не трудно.

Но, вернувшись в свою комнату, раздраженно прошептала:

– Как будто мне заняться нечем! Прямо такая она вся из себя нежная и трепетная, разболелась от разлуки с любимым. Я-то ведь не разболелась? Теперь сиди из-за нее дома... Тетя Поля не справится, если я на нее и больную Манюню оставлю, и ребенка.

Глава 4

Начался учебный год. Маня выздоровела, пошла в институт. Света тоже начала посещать занятия.

«Скучища, конечно, жуткая, но где-то же учиться надо? – рассуждала она. – Зато появился повод легально уходить по вечерам из дома. А занятия можно иногда и задвигать. Можно в кино сходить или еще куда. Вроде бы в ДК имени Газа танцы в семь часов начинаются... А то с Юрой в ресторан завалиться, там потанцевать. Интересно, куда он пропал? Неужели обиделся? Прошло столько времени, а от него ни слуху ни духу».

Но Света и без Шереметьева не скучала: соблюдая конспирацию, стала ходить на танцы. Она не наряжалась для них особенно – смешно идти на молодежную дискотеку в платье, которое годится разве что для шикарного ресторана или театра. Косметику предусмотрительно смывала в туалете перед уходом домой. Молодые люди, с которыми знакомилась на танцах, всегда недоумевали, почему она, как Золушка, исчезает задолго до конца дискотеки. Света никому не говорила, что она вдова и дома ждет ребенок. Да она на самом деле не ощущала себя вдовой и одинокой мамашей. Двухнедельное замужество – это как-то смешно. Она бы с удовольствием вовсе забыла о нем, если бы не сын –

единственная память о ее недолгом браке.

Пока Олежка был перед глазами, Света, хоть и без излишнего усердия, но заботилась о нем: кормила, меняла ползунки. Впрочем, если рядом оказывались подруга или тетя Поля, они с удовольствием брали эти обязанности на себя. Но стоило переступить за порог дома, как тут же мысли о сыне улетучивались из Светиной головы, и она вновь чувствовала себя свободной девушкой – ровно до одиннадцати вечера, когда должна вернуться с «вечерних лекций». Все предложения кавалеров встретиться в другом месте она отвергала. Никто из них ей особо не нравился, и она не желала усложнять себе жизнь, выдумывать новые способы, чтобы сбежать из дома. И еще – хоть Света ни за что не призналась бы в этом – в глубине души она со дня на день ожидала появления Шереметьева.

Юрий объявился на ноябрьские праздники. Пришел без звонка, вручил тетушке пакет с дефицитными продуктами, удивился тому, как вырос Олежек.

За столом он был мил со всеми тремя женщинами, но особенно внимателен и предупредителен к Мане.

«Как мальчишка, – улыбалась про себя Света. – В отместку за то, что я предпочла встречу Миши походу с ним в театр, пытается заставить меня ревновать. К кому? К Маньке?»

После обеда она собралась гулять с ребенком, и Шереметьев вызвался сопровождать ее.

Едва они вышли на улицу, Света задала вопрос, который давно ее волновал:

– Интересно, где вы пропадали больше двух месяцев?

– А вы успели соскучиться? – сдерживая улыбку, осведомился он.

– Я думала, вы обиделись, что я не пошла тогда с вами в театр...

– Что за самомнение! Вы слишком преувеличиваете роль собственной особы в моей жизни... Я был занят. После отдыхал на курорте. Потом опять дела. Пару раз ездил за границу. А как вы провели это время?

– Очень хорошо! И ни капли я не соскучилась. Несколько раз ходила на дискотеки.

– И наверняка подцепили себе там кавалера. И теперь он будет вас водить по театрам и ресторанам, и вы откажетесь от наших встреч. Похоже, я упустил свой шанс...

Голос звучал насмешливо, но в его взгляде она заметила тревогу. Наверное, все-таки влюблен, хоть и не признается. Света не удержалась от самодовольной улыбки.

– Конечно, от кавалеров на дискотеках у меня отбою нет. Я ведь отлично танцую. Но в ресторан пока никто не приглашал.

– Договорились, Светочка. Со мной вы ходите в театры и рестораны, а на дискотеки с этими мальчишками, у которых ни на что другое денег нет. Так вы что же, совсем не учитесь?

– Ну... – протянула она. – Пару раз в неделю я все-таки хожу на занятия, хотя там такая скучища. Парней совсем нет, одни очкастые дуры – будущие библиотекари.

– А зачем вы выбрали этот вуз? Собираетесь всю жизнь просидеть среди пыльных полок с книгами?

– А где учиться? Где-то же надо?

Он пожал плечами.

– Образование, конечно, вещь не вредная. Но, по-моему, у вас абсолютно не гуманитарный склад ума. Как называется последняя книга, которую вы прочли?

Света не могла припомнить, когда держала в руках книжку. Раньше Манька ей их приносила, а сейчас – чего носить? Книжный шкаф общий, вот он, читай – не хочу. А Света и не хотела особенно. Иногда брала какой-нибудь том, раскрывала вечером, лежа в постели, и засыпала на второй странице. Кажется, когда Миша приехал, Манька говорила ему о нашумевшей новой книге...

Юрий с интересом следил, как она силится припомнить, и удивленно вскинул брови, когда Света выдала:

– «Дети Арбата».

– А кто автор?

– Не помню.

– Анатолий Рыбаков. Назовите книги, которые он еще написал.

– Я что, на экзамене? Чего пристали? – вспыхнула она.

– Я просто пытаюсь доказать, что вы выбрали не ту стезю. Библиотечное дело – это не ваше. Вы ведь не читали «Дети Арбата», а то бы знали, что еще написал Рыбаков. Он ведь известный писатель.

– Был бы известный – знала бы!

– Известный, известный... И вы наверняка знаете. Просто не может быть, чтоб не знали: «Кортис», «Бронзовая птица», «Приключения Кроша».

Света вспомнила эти книжки. Точно, там тоже про Арбат было. Так это опять детское?

– Отстаньте от меня со своими детскими книжонками! – возмутилась она.

Качая головой, Шереметьев расхохотался:

– Только не ляпните где-нибудь, что «Дети Арбата» детская книжонка – опозоритесь! Это очень серьезная вещь о тридцатых годах, о том, как начинались сталинские репрессии.

– Вот уж счастье, про политику читать! – фыркнула она, отворачиваясь.

– Книга не только об этом. Роман о жизни, там и про любовь есть. Почитайте, а потом мы с вами поделимся впечатлениями.

«Только мне и дел, что книги читать! И как он раскусил, что я ничего не читаю? Надо пролистать книжку, чтобы представление иметь», – подумала Света, а вслух раздраженно высказалась:

– Все прямо рехнулись с этой гласностью, только о литературе и говорят! Тетя Поля рассказывала, у них на работе подписку на «Новый Мир», «Иностранку» и другие журналы разыгрывают, а потом в очередь становятся к счастливчику, почитать. Ей достался какой-то толстый журнал, так она на почту за ним ходит – из ящика-то мигом упрут!

Юрий глядел с усмешкой.

– Ладно, покончим с литературой, если вам неинтересна эта тема. Лучше расскажите, как прошла встреча героя. Я имею в виду, как вы с ним встретились, все остальное мне тетушка с Машей рассказали. Вам удалось склонить Улицкого к адюльтеру?

– К чему? – не поняла Света.

– К измене, мой будущий гуманитарий. Ну, так как, удалось?.. Вижу, что нет. Но что-то все-таки было... Представляю, сколько усилий вам пришлось приложить, пытаюсь сорвать с его уст хоть один поцелуй.

«Экстрасенс он, что ли?» – пронеслось в голове, а вслух она неожиданно для себя самой выпалила:

– Не один, а два!

– Ого! Я вас недооценил. Впрочем, нет – я подозревал, что вы станете продолжать попытки добиться своего, но надеялся на стойкость нашего воина-интернационалиста.

– Не смейте говорить о нем в таком тоне! – нахмурилась Света.

– Я вообще могу о нем не говорить... сегодня. Давайте поговорим о вашей подруге. Она беременна, или мне показалось?

– Кто? Манюня?.. С чего вы взяли?

– Она бледная до синевы.

– Она болела.

– Маня не съела за столом ничего жирного, хотя всегда любила и ветчину, и палтус. Даже от торта отказалась, грызла сухое печенье. И, несмотря на то, что тоскует по мужу, у нее глаза сияют. Вы что, слепая? Уж если я заметил...

Света замерла. Она припомнила, в последнее время Манька действительно почти не ест, отказывается от завтраков, обходится кашами. Все они едят в основном каши при том скромном наборе продуктов, что водятся в доме. Но сегодня-то Манюня могла отвести душу!

– Света, ну что вы встали посреди улицы?

Она, нахмурившись, вновь покатила коляску, а он зашагал рядом, с иронической улыбкой поглядывая на нее.

– Что, это путает все ваши карты?

От высказанной Шереметьевым догадки мысли в голове смешались. Манька беременна... Неужели правда? Но ведь тогда... Тогда для нее все пропало. Она знает Михаила – порядочности у него на троих. Из чувства долга он поперся за товарищами на войну, и тот же долг не позволит ему бросить жену с ребенком. А может, Шереметьеву показалось? Надо спросить у Маньки, жить в неизвестности невозможно.

– Судя по вашему лицу, в мыслях вы уже развели своего возлюбленного, – прервал ее размышления Шереметьев. – Вы успели о чем-то договориться?

Света упорно молчала.

– Светочка, не пора ли отказаться от иллюзий? Зачем проводить свою молодость в мечтах о несбыточном? Вы ведь понимаете, что Улицкий не бросит жену, тем более с ребенком.

– Может, и нет еще никакого ребенка...

– Поспорим?

– Не собираюсь! – отрезала она.

– Когда уверитесь в том, что я прав, советую пересмотреть свои цели.

– Какие еще цели?

– Единственная ваша цель, как я понимаю, – добиться любви молодого Улицкого.

– А если мне не надо ее добиваться? – возразила она запальчиво.

– Он опять сказал, что любит вас каким-то особенным образом, не так, как Маню?

«Люблю, хотя и не должен», – вспомнилось Свете, и она вздохнула.

– Впрочем, каждый мужчина, глядя на вас, Светочка, должен испытывать чувство... – Шереметьев сделал паузу, подбирая слово. – Раньше это называли бы вожделением. «А я говорю вам, что каждый, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с ней в сердце своем», – процитировал он с пафосом.

– Что за чушь вы несете!

– Это не чушь, а евангелие от Матфея.

– Еще посоветуйте мне евангелия почитать... – раздраженно прошипела она.

– Я и сам не читал, если честно, – с усмешкой признался он. – А эта фраза из «Отца Сергия» Толстого мне показалась очень мудрой и почему-то запомнилась. Мужчина, если он не импотент, готов любить первую попавшуюся хорошенькую женщину. А уж такую соблазнительную, как вы... Вот и Улицкий был готов, только смелости не хватило.

Света кинула на него гневный взгляд и угрожающе предупредила:

– Если вы не перестанете говорить подобные гадости...

– Все, перестаю. Так когда мы с вами встретимся?

На прямой вопрос, который задала ей Света, Маня кивнула со счастливой улыбкой.

– Я уже Мишеньке написала. Он так обрадуется! Он говорил, что ему все равно – сын или дочка, но я чувствую, это будет мальчик, как у тебя. Правда, здорово? Надеюсь, войска выведут до того, как он родится, и Миша успеет... Светочка, что с тобой, ты не рада?

– Рада, – отозвалась она упавшим голосом и кинулась в свою комнату. Оттуда донеслись рыдания.

Растерянная Маня нерешительно поскреблась в дверь.

– Светочка, что с тобой?

Тетя Поля вышла из кухни.

– Что случилось? Почему Света плачет?

Маня покаянно вздохнула.

– Опять я повела себя бестактно. Я сказала, что надеюсь, Миша вернется к тому времени, как родится ребенок...

– Какой ребенок?..

– Я беременна.

Полина Григорьевна кинулась обнимать племянницу:

– Манечка, умница моя, вот счастье-то... Что ж ты молчала? Какой срок?.. Ой, что я как дуручка? Ясно же, какой срок! Милая моя, до чего же я рада!

И они забыли о Свете, которая тихо выла, кусая зубами подушку, оплакивая свои несбывшиеся мечты.

Наутро после бессонной ночи Света успокоилась. Бесполезно думать об этом непрерывно, если она ничего не может изменить. Придется свыкнуться с мыслью, что Михаил навсегда останется с Манюней. Что ж, она все равно будет любить его, любить бескорыстно, со стороны. Он ведь не виноват, это все Манька... Как она гордится своей беременностью, радуется, всем подряд об этом рассказывает.

«Аура! – шипела Света про себя. – Нашла чем гордиться! Пока тебя только токсикоз мучает, а скоро живот на глаза полезет, спина станет разламываться, на лице появятся пигментные пятна. Ты и так-то красавицей никогда не была, а теперь и вовсе уродиной станешь... То-то Мишенька на тебя такую полюбуется! А меня он увидит красавицей. Шереметьев подарил мне сумку, туфли и платье – французская модель, между прочим. И пусть Миша будет твоим мужем, а любить и хотеть – или как там, вожделеть? – он станет меня, а не тебя».

Сто раз повторенные, эти злорадные мысли помогли ей уверить себя, что именно так все и будет.

Всю осень и начало зимы Света провела весело. Иногда вспоминала про учебу и гадала, как станет сдавать экзамены, но привычно отмахивалась от

неприятного.

Шереметьев, с которым они встречались довольно часто, предрекал, что ее выгонят из института с треском.

– Ой, испугали! – смеялась она в ответ. – В другой поступлю или работать пойду.

– Как вариант – можно выйти замуж и сидеть на шее у мужа.

– Я замуж пока не собираюсь, – беззаботно пожимала плечами Света.

Они с Юрием продолжали ходить в театры и рестораны. Когда он сделал ей первый подарок, туфли с сумочкой, Света обрадовалась. Когда подарил французское платье – подумала, что все-таки влюблен. Затем он начал регулярно дарить наряды, и она забеспокоилась. Про одну-две вещи еще можно сказать, что купила на Галерке в Гостином Дворе. А как объяснить возникновение целой шеренги платьев в шкафу?

– Юра, не надо делать мне столько подарков, мне неудобно их принимать, – сказала она однажды.

– Вам – неудобно? – удивился он. – Отчего? Неужели вы, как девица из девятнадцатого века, считаете, что подарки прилично получать только от жениха?

– Нет, но...

– То есть – дело не в вас. Вы боитесь, что другие посчитают это неприличным. Какая же вы лицемерка! Вам не надоедает думать одно, а говорить другое? Почему бы не вести себя свободно и естественно? Взять и честно признаться, что подарки вам делает поклонник.

– А вы мой поклонник? – с притворным изумлением округлила глаза Света.

– Ну, можно и так это назвать, – с ухмылкой кивнул он. – И если раньше, когда вы мечтали соединиться с предметом своей тайной страсти, я считал, что не вправе соблазнять вас, то теперь, когда вы, конечно же, поняли всю тщетность своих

надежд, – почему бы мне этим не заняться?

– То есть вы меня соблазняете?

– Естественно, а то с чего бы мне так тратиться? – рассмеялся Шереметьев.

– И не надейтесь! – с победной улыбкой заявила Света.

– Вы разбили мне сердце! – трагическим тоном воскликнул он и нарочито нахмурил брови: – Все, больше ничего от меня не получите!

Но, несмотря на шутливую угрозу, он продолжал одаривать ее.

Вскоре произошло неизбежное: то, что Света встречается с Шереметьевым, перестало быть секретом.

– Светочка, – робко заговорила тетя Поля после Светинового возвращения из театра, – мне только что Галочка звонила, ей показалось, она видела тебя с Юрой...

«Вот мымра старая! – мысленно выругалась Света. – Углядела-таки!»

В этот вечер они смотрели «Лебединое озеро». Завидев в коридоре Мариинки теткину подругу, Света потянула Юру к буфету, надеясь скрыться, но, похоже, номер не удался. Высокая фигура Шереметьева бросается в глаза в любой толпе.

Немного поколебавшись, не разыграть ли недоумение, попытаться убедить тетю Полю, что Адамовна обозналась, – Света отмела эту мысль и решила перейти в наступление:

– А почему я не могу пойти в театр со знакомым? Театр – общественное место, и в этом нет ничего дурного! И какое дело вашей сплетнице-подруге, с кем и куда я хожу? Мне вот абсолютно безразлично, кто, где и с кем – так почему меня не могут оставить в покое?

– Что ж такого – увидела, ну и сказала... – растерянно пробормотала Полина Григорьевна. – Вы что, давно с Юрой встречаетесь? Мне Валюта из двадцать третьей квартиры еще месяц назад говорила, будто видела, как ты в иномарку садишься на углу...

– О-о! Еще одна! Да что ж всем моя личная жизнь покоя не дает? – воскликнула Света, краснея от возмущения.

– Светочка, ну почему ты нам не сказала, зачем скрывала? Неужели думала, что мы станем осуждать тебя? Мы прекрасно знаем, ты любила Славика и помнишь его. Но жизнь есть жизнь... Юра нам не чужой, он хороший человек, и, если ты соединишь с ним судьбу, мы будем только рады.

– Соединить судьбу? Что вы там насочиняли, тетя Поля? Не собираюсь я соединять с ним судьбу! Мы просто встречаемся, в театры ходим...

– Но ведь... – тетя Поля красноречиво взглянула на кожаную куртку на меху, на финские брюки из джерси, – это все он тебе подарил?

– Подарил, ну и что?

– Света...

– Если вы подозреваете, что я каким-то образом расплачивалась за эти подарки, – разъяренно выкрикнула она, – так нет! Между нами вообще ничего не было. Ваш Юрочка мне нисколько не нравится, а хожу я с ним оттого, что со скуки здесь помираю!

На крики из комнаты выглянула Маня. Она только недавно вышла из больницы, где пролежала две недели с угрозой выкидыша. Улыбнувшись серыми губами, Маня обхватила за плечи расстроенную подозрениями подругу.

– Светик, успокойся. Мы ничего плохого не думаем, мы же знаем тебя... И ты права, если скучно – надо развлекаться. Ты любишь повеселиться, вот и веселись. И скажи Юре – не надо больше скрываться.

Глава 5

Светлана навсегда запомнила 18 декабря 1988 года, день, с которого перевернулась вся ее жизнь.

Этим вечером она собиралась с Шереметьевым в ресторан. Выбрав из шести подаренных им платьев бежевое трикотажное, с заниженной талией и узкой короткой юбкой, Света занималась прической. Ей хотелось выглядеть ослепительно – Юра обещал повести ее в «Прибалтийскую». В этом новом шикарном отеле она еще не была – а там ведь сплошь интуристы.

Стукнула входная дверь. Света невольно прислушалась.

Маня явилась? Вечно она по библиотекам сидит, домой не торопится. Света на ее месте вообще бы учебу бросила. К чему себя гробить? Впрочем, пусть рискует ребенком, если ей нравится. Она поймала себя на мысли, что была бы счастлива, случись у Манюни выкидыш. Тогда...

– Мань, это ты? – крикнула она в сторону коридора.

Тишина.

– Мань? – Света отложила расческу и выглянула из своей комнаты.

Маня сидела на тумбочке, серая как алюминий, и беззвучно плакала, некрасиво скривив рот.

– Мань, ты чего? Что случилось, тебе плохо?

Маня еле заметно покачала головой и протянула руку с отпечатанной на машинке бумагой. Со страхом Света взяла документ, сердце сжалось от предчувствия...

«В ходе операции по контролю за выводением ограниченного контингента советских войск из Демократической республики Афганистан, в локальном бою на высоте 3214 лейтенант Улицкий Михаил Павлович пропал без вести...»

Там были еще какие-то слова, но строчки в глазах поплыли. Невольно вырвалось горестное: «Миша!», она бросилась к Мане, и обе зарыдали.

Прибежавшая на крик тетя Поля принялась успокаивать племянницу, говорить, что пропал – не значит, что погиб. Появившийся вскоре Шереметьев повторил то же самое и пообещал выяснить подробности через знакомого в Министерстве обороны.

Позже на кухне наедине со Светой он высказался:

– Я, конечно, попробую узнать, но и так все понятно.

– Что?

– Обычно наши стараются вынести с поля боя тела погибших, и если его среди них не было...

– Что это значит?

– Плен.

– Так вы думаете, Миша жив, он в плену? – В глазах мелькнула надежда.

– Чему вы радуетесь? Неизвестно, что лучше – смерть или плен у моджахедов.

– Но если Миша в плену, то его можно обменять. Потом, существует Красный Крест, они ведь пленными занимаются?

– Моджахеды не ведут переговоров с представителями гуманитарных организаций, – покачал головой Шереметьев. – Некоторых пленников они отпускают за огромный выкуп.

– Мы соберем деньги! – воодушевилась она.

– А вы порядок цифр представляете? Речь может идти о миллионах долларов.

– Миллионах?.. – растерянно пролепетала Света.

– Да. Еще я слышал, что они отпускают пленников, принявших мусульманство.

– Надеюсь, он его примет...

– Улицкий? – Юра прищурился и покачал головой. – Сомневаюсь.

– Конечно, он примет мусульманство, если это единственный способ спастись, – уверенно заявила она.

– Спастись... Парадоксально звучит. Вы знаете, какое значение это слово имеет у православных верующих? Спасти свою душу, жить согласно божьим заповедям и этим заслужить место в раю.

– Миша неверующий, он атеист, – настаивала Света. – Не все ли равно – пусть притворится, что принимает это мусульманство, а потом сбежит.

Во взгляде Шереметьева ей почудилось мрачное изумление. Он вновь покачал головой:

– Нет, не станет он этого делать. Улицкий человек чести.

– Чепуха! При чем тут честь? Я бы с легкостью обманула этих афганцев. И вы тоже.

– Ошибаетесь. Я крещеный и даже иногда посещаю церковь. Я не стал бы клятвопреступником.

– Ерунда какая! – раздраженно воскликнула она. – Да кто узнает? Ведь не обязательно идти в церковь и сообщать: я переменял веру.

– А муки совести? Если вы, мой будущий библиотекарь, читали Голсуорси, то должны помнить: Уилфрида Дезерта доконал не остракизм, а сознание того, что под дулом пистолета он предпочел чести – жизнь.

Света не имела понятия, о чем он говорит, но продолжала упрямыться:

– Чепуха! Жизнь – дороже всего.

– Но не для людей чести. А ваш драгоценный Мишенька именно такой. Так что этот вариант отпадает. Свяжитесь с его отцом, он человек влиятельный, может, узнает что-то о возможности обмена пленными. Больше, к сожалению, ничего не могу вам посоветовать.

Павел Петрович Улицкий ничего не успел сделать. В ночь после трагического известия он скончался от инфаркта. Яна Витальевна не перенесла двойного удара судьбы – умерла буквально через две недели после похорон мужа.

Маня опять лежала в больнице. Тетя Поля постоянно принимала лекарства от давления и еле ползала по квартире.

В родительском доме Светы тоже все было плохо. Мама, совсем недавно молодая и энергичная женщина, сильно сдала за последний год – быстро уставала, то и дело сидела на больничных.

– Это папаша ваш меня довел, – жаловалась Ольга Петровна старшей дочери. – Сил больше нет так жить! Каждый день напивается. Уж где эти алкаши выпивку находят? Я боюсь, его с работы уволят – ведь ему с утра глаза не продрать, постоянно опаздывает. Светочка, хоть бы ты с ним поговорила...

Света сделала попытку, но поняла, что результата не будет. Придя в субботу утром, она застала отца в глубоком похмелье. Выглядел он ужасно – глаза заплаыли, физиономия помятая, взгляд бессмысленный.

– Пап, ты в состоянии разговаривать?

– Конечно, доча. Ты пивка, случайно, не принесла?

– Пивка тебе? – почти взвизгнула в возмущении Света. – Пинка тебе надо, а не пивка! Ты что творишь? До чего маму довел?

– Ты как с отцом разговариваешь, соплячка? – попробовал повысить тон отец, правда, из-за упадка сил вышло у него не слишком грозно.

– Ты на себя в зеркало посмотри, на кого похож? Да я бы за один внешний вид тебя с работы выгнала!

– Доча, не надо так с отцом...

– А как надо? Может, похвалить тебя за то, что ты вытворяешь? Докатился – вещи из дома уносишь! Где мамина песцовая шапка? Где, я тебя спрашиваю? Пропил?

Григорий Иванович покачал головой, мутные глаза увлажнились пьяными слезами.

– Светка, я ж тебя... вот такую... на руках качал! А помнишь, как на шее у меня ездила? За уши дергала и кричала: «Папа, быстрее!» Эх, Светка!

– Сейчас ты на маминой шее сидишь, алкаш! Я бы на ее месте тебя сбросила!

Закончив бесполезный разговор, она вернулась в комнату.

– Мам, разводишься ты с ним, чего мучиться?

Ольга Петровна махнула рукой:

– Куда разводиться? Нашу квартиру даже на две комнаты не разменять. Все равно жить вместе...

– Ну, тогда плюнь на него и перестань беспокоиться. Пусть напьется, пусть хоть вообще домой не является. Пускай его с работы уволят, а ты наплюй. Думай о своем здоровье. Что врачи-то говорят?

– Ранний климакс. Гипертония, стенокардия, гастрит, а может, уже и язва. Надо обследоваться.

Светлана сделала внушение младшей сестре: смотреть за матерью, а если что – вызывать на помощь.

– Но постарайся сама справляться, – наставляла она. – У меня на шее двое больных и ребенок. Не могу же я разорваться?

Но, хочешь не хочешь, приходилось разрываться. Когда спустя месяц Манюня вышла из больницы, туда попала тетя Поля с гипертоническим кризом.

Света не спала ночей – у Олежки резались зубки, он температурил, капризничал беспрестанно. Иной раз ее подмывало разбудить Маньку и сунуть сына: на, тренируйся, вот на что ты себя обрекаешь! Выносить ребенка – ерунда, хотя у тебя и это не больно-то хорошо выходит. Ты вот вырасти его! Выкорми, повышагивай ночами, укачивая! И кто это выдумал, что материнство – счастье? Обуза, оковы, кандалы – вот это что!

И днем Света вертелась как белка в колесе. Ездила в больницу к тете Поле, выстаивала в очередях за продуктами. Раз по три на неделе заглядывала к своим. Сонька, зараза пятнадцатилетняя, ни черта не убирала. У мамы едва хватало сил сварить еду из продуктов, которые притаскивала старшая дочь. А Света ощущала себя ломовой лошадкой, на которую все грузят и грузят, и заставляют везти, и конца этому не предвидится.

Учеба отпала сама собой, про дискотеки она тоже забыла. Порой вспоминала куда-то пропавшего Шереметьева. Опять, наверное, где-нибудь за границей. А сейчас он бы очень пригодился со своими дефицитными продуктами и автомобилем. Хотя вряд ли у него найдется время ожидать возле магазина, пока она вывалится оттуда с полными сумками.

Только полными сумки становились все реже и реже.

Шереметьев объявился накануне Дня Советской Армии. Света сама не ожидала, что так обрадуется, у нее даже сердце подпрыгнуло, когда подавала ему руку.

Он стоял на пороге, пахнувший морозцем и каким-то приятным одеколоном, и, мягко улыбаясь, смотрел сверху вниз со своей всегдашней иронией в синих глазах.

– Давненько я у вас не бывал... Что-то вы плоховато выглядите, мадам.

– Хороший комплимент для начала, – недовольно скривилась Света.

– Я вовсе не хотел вас обидеть. Меня это на самом деле беспокоит. Что случилось, дорогая?

– Проходите на кухню, я сейчас.

В своей комнате она наскоро привела себя в порядок. Домашний халатик сменила на джинсы и водолазку, расчесала волосы и потрянула головой, чтобы казались пышнее. Тронула ресницы тушью и мазнула по губам блеском. Дольше заниматься внешностью неудобно, да и Юра может подумать, что это ради него...

«А разве не так? – спросила она себя. И ответила: – Нет, конечно. Просто неприлично такой росомхой перед мужчиной».

Юрий курил у окна и, обернувшись, окинул ее с головы до пят своим фирменным раздевающим взглядом.

– Ну вот, уже лучше, – сказал он, присаживаясь вслед за ней к столу. – Так что же случилось у вас, дружок?

Это по-детски ласковое слово умилило ее. Ведь может нормально разговаривать, но чаще почему-то предпочитает издеваться. Света вздохнула:

– Столько всего произошло... Вы же ничего не знаете. Столько навалилось всего, и, как назло, подряд, одно за другим!

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/osipcova_tat-yana/smetennye-uraganom

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)